

Ж А Н С Т А Р О Б И Н С К И Й

ЧЕРНИЛА
МЕЛАНХЛИИ

Интеллектуальная история

Жан Старобинский

Чернила меланхолии

«НЛО»

2012

Старобинский Ж.

Чернила меланхолии / Ж. Старобинский — «НЛО»,
2012 — (Интеллектуальная история)

ISBN 978-5-44-482034-6

Сборник работ выдающегося швейцарского филолога и историка идей Жана Старобинского (род. 1920) объединен темой меланхолии, рассматриваемой как факт европейской культуры. Автор прослеживает историю меланхолии от античности до XX века, рассматривая как традицию медицинского изучения и врачевания меланхолических расстройств, так и литературную практику, основанную на творческом переосмыслении меланхолического опыта. Среди писателей и поэтов, чьи произведения анализируются с этой точки зрения, – Вергилий, Овидий, Карл Орлеанский, Мигель де Сервантес, Роберт Бёртон, Карло Гоцци, Э.-Т.-А. Гофман, Жермена де Сталь, Сёрен Кьеркегор, Шарль Бодлер, Пьер-Жан Жув, Роже Кайуа, Осип Мандельштам и многие другие.

ISBN 978-5-44-482034-6

© Старобинский Ж., 2012

© НЛО, 2012

Содержание

Предисловие редактора русского издания	5
Предисловие	8
История врачевания меланхолии	10
Введение[б]	10
Учителя древности	12
Гомер	12
Тексты Гиппократовского корпуса	13
Цельс	20
Соран Эфесский	21
Аретей Каппадокийский	22
Гален	25
Помощь философа	27
Сила традиции	30
Грех уныния (acedia)	30
Хильдегарда Бингенская	33
Константин Африканский	34
Эпоха Возрождения	36
Пары	39
Пережитки	40
Сиденгам	41
Фридрих Гофман	42
Анн-Шарль Лорри	43
Современная эпоха	45
Новые концепты	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Жан Старобинский

Чернила меланхолии

Предисловие редактора русского издания

Творчество Жана Старобинского – выдающегося швейцарского филолога и историка культуры – уже хорошо знакомо отечественному читателю¹. Напомним кратко, что Старобинский – сын эмигрантов из Российской империи, переехавших в Швейцарию незадолго до Первой мировой войны, – родился в 1920 году в Женеве и практически всю жизнь прожил в этом городе, преподавая в Женевском университете историю французской литературы и историю идей. Мировую славу принесли ему работы о литературе и культуре XVI–XVIII веков: книги и статьи о Монтене, Корнеле, Расине, Руссо, Дидро, о культурной символике эпохи Просвещения и Французской революции. Старобинский – член Французского института (национальной академии) в Париже, признанный классик Женевской школы «новой критики», сформировавшейся в 1950-х годах и подготовившей возникновение структурализма и постструктурализма в литературоведении и культурной теории.

Многие из работ Старобинского, разбросанные в разных изданиях, за последние годы были переработаны автором и собраны в его новых книгах. Одним из таких сборников является и настоящий том, который вышел в Париже в 2012 году и в заголовок которого выставлена метафора «чернил меланхолии», взятая из «Фауста» Гёте. Составившие его тексты писались на протяжении нескольких десятилетий², и в них меланхолия рассматривается как феномен европейской культуры. Хотя меланхолические состояния, по-видимому, переживаются людьми всех стран и народов, но на Западе они получили многовековую и очень глубокую смысловую разработку; можно предположить, что меланхолия как форма человеческой негативности – это оборотная сторона динамики европейской цивилизации, устремленной к изменению, прогрессу и, следовательно, самоотрицанию. Поэтому история меланхолии в западном мире – различных форм ее научно-медицинского, философского и художественного осмысления – составляет одну из магистральных тем интеллектуальной и литературно-художественной истории. О ней написано множество работ, из которых здесь достаточно назвать лишь упоминаемую в «Чернилах меланхолии» классическую монографию трех немецких ученых – Раймонда КLIBанского, Эрвина Панофского и Фрица Закля³.

По сравнению со своими предшественниками Старобинский рассматривает историю меланхолии в более «модернистском» аспекте: начинает изложение с античной эпохи, но не останавливается на раннем Новом времени, а доводит свой анализ до XIX и XX веков, до творчества своих современников Роже Кайуа и Пьер-Жана Жува, своего друга Ива Бонфуа. Главное же – он не ограничивается описанием исторических *идей и представлений* о меланхолии, включая ее изображения в литературе и искусстве, но показывает ее как реальную *действенную силу*, участвовавшую в создании философских концепций и произведений художественной словесности. Интеллектуальному историку вообще полагается сопоставлять между

---

¹ Два основных издания его работ в русских переводах: *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2002; *Старобинский Ж.* Действие и реакция: Жизнь и приключения одной пары. СПб.: Владимир Даль – Культурная инициатива, 2008.

² См. «Источники текстов» в конце наст. книги.

³ *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F.* Saturn and Melancholy: Studies in the History of Natural Philosophy, Religion, and Art. Nelson, 1964. Написанная в 1930-е годы по-немецки, эта книга вышла в свет лишь тридцать лет спустя на английском языке и после смерти одного из трех авторов – Фрица Закля. Жан Старобинский в своей диссертации 1960 года, еще не зная этой монографии, ссылался на предварявшие ее исследования Панофского и Закля 1920-х годов.

собой разные формы и дискурсы культуры, прослеживая в них сложную эволюцию одних и тех же понятий и метафор; Старобинский подчеркивает эту «всеядность» истории, попеременно изучая в своих работах два резко различных дискурса о меланхолии: медицинский дискурс, для которого меланхолия есть чистый объект, предмет изучения и врачебной практики, и поэзию, где она порождает и одушевляет собой речь художника, составляет глубинное содержание его субъективности. Эти два полюса представлены в настоящем сборнике, с одной стороны, историко-медицинской диссертацией 1960 года⁴ и некоторыми другими текстами, а с другой стороны, циклом статей о Шарле Бодлере, где тщательный, слово за словом, филологический разбор текстов показывает, как поэт из своего депрессивного мироощущения добывает гениальные образы и художественные жесты. Как это вообще характерно для «новой критики», Старобинский никогда не упускает возможности отметить в изучаемом тексте металитературную тематику – фигурирующие в художественных произведениях мотивы речи, пения, театральной игры, повествования, письма («чернила»); они показывают, что, говоря о меланхолии, писатель или поэт думает о самом себе, причем именно как о художнике в процессе своего труда. Меланхолия может одновременно и препятствовать его высказыванию, и – подобно другим трудностям, с какими он сталкивается, – стимулировать его, давать ему материал для творчества. Иными словами, меланхолия амбивалентна: не только мучительна, но и *благородна*, как выражались в эпоху Возрождения, – и изучение ее печального опыта, по словам автора книги, может стать «веселой наукой».

Жан Старобинский демонстрирует эту двойственность меланхолии на чрезвычайно разнообразном материале. Выше уже сказано об огромном хронологическом охвате его исследований и о сопоставлении в них двух культурных дискурсов – медицинского и литературного. Следует еще добавить, что свой материал он свободно черпает из наследия разных стран и культур: прежде всего из французской литературы, но также и из латинской (Вергилий, Овидий), английской (Роберт Бёртон), итальянской (Карло Гоцци), немецкой (Э.-Т.-А. Гофман), датской (Сёрен Кьеркегор), испанской (образцовый анализ одной из глав «Дон Кихота»), русской (разбор стихотворения Осипа Мандельштама «Бессонница, Гомер, тугие паруса...»), а также из культуры своей родной Швейцарии, где, в частности, была открыта – то есть впервые описана и осмыслена как культурный факт – такая специфическая форма меланхолии, как *ностальгия*. Он оперирует не только словесными текстами, но при необходимости и визуальными произведениями (фронтиспис к книге Бертона, картина Ван Гога), внимательно следит за текстуальными проявлениями телесного опыта (это тоже было одной из новаторских черт Женевской школы критики, к которой он принадлежит). В своих рассуждениях он умело пользуется философской диалектикой, применяет труды психоаналитиков («Скорбь и меланхолия» Фрейда, экзистенциальный психоанализ Людвиг Бинсвангера). Избегая глобальных историософских схем и сосредоточиваясь на герменевтическом вникании в мировосприятие конкретного автора, в смысл и устройство конкретного текста, Жан Старобинский через понятие меланхолии раскрывает нам историческую судьбу западного человека.

* * *

В соответствии с французским изданием «Чернил меланхолии» в разных главах книги применяются не вполне совпадающие системы библиографических ссылок (полных или сокращенных). Содержание этих ссылок в настоящем издании оставлено неизменным, добавлены лишь ссылки на русские переводы цитируемых текстов и исключены некоторые ссылки на французские переводы иноязычных источников.

⁴ Об обстоятельствах ее написания см. ниже, в авторском предисловии к «Чернилам меланхолии».

Стихотворные цитаты по возможности приводятся в уже имевшихся или специально сделанных для настоящего издания поэтических переводах (в последнем случае – без упоминания имени переводчика, поскольку он совпадает с переводчиком всей главы, содержащей цитату) и обычно сопровождаются оригинальным текстом в примечании; нередко оригинал цитирует в основном тексте и сам автор, переводя стихи, написанные на других языках. В нескольких особо сложных случаях – в статьях о Бодлере, содержащих «пристальное чтение» французских стихов, – приходится наряду с оригиналом и поэтическим переводом давать еще и третью версию текста: прозаический подстрочный перевод, специально приспособленный для нужд анализа.

Во французском издании книга сопровождалась большим аналитическим послесловием испанского компаративиста Фернандо Видаля. В русском издании этот текст опущен, сохранена лишь краткая вступительная заметка Мориса Олендера, редактора серии издательства «Сей», в которой вышли «Чернила меланхолии».

С. Зенкин

Творчество Жана Старобинского находится в постоянном движении.

Подобно анатомии, разлагающей свой предмет в целях изложения, эта книга не стирает различий между разными слоями своего письма. Мы проходим здесь через «энциклопедический роман», где чтение и письмо, звуки и отзвуки сменяют друг друга, где читатель все время находится посреди знания, вырабатывающегося у него на глазах.

Тексты, составившие этот том, писались на протяжении более полувека; эти старые очерки и связанные с ними более новые исследования посвящены одной и той же теме, питавшей все творчество Жана Старобинского: «Чернила меланхолии».

Морис Олендер

Предисловие

В 1957–1958 годах я служил интерном в университетской клинике Сери близ Лозанны и к концу этого периода подумал, что полезным делом будет обзреть тысячелетнюю историю меланхолии и ее врачевания. Тогда только что открылась эра новых лечебных препаратов. Целью моего труда, предназначенного для медиков, было обратить их внимание на долгую временную протяженность, в которую вписывалась их собственная деятельность.

Получив диплом лицензиата классической филологии в Женевском университете, я в 1942 году стал учиться на врача. Но одновременно я продолжал сохранять связи и с преподаванием словесности, исполняя должность ассистента на кафедре французской литературы Женевского университета. У меня складывался замысел диссертации о писателях – ненавистниках масок (Монтене, Ларошфуко, Руссо и Стендале), – а тем временем я занимался тем, что прослушивал, простукивал, просвечивал пациентов. Закончив учиться медицине в 1948 году, я затем пять лет был интерном в Терапевтической клинике при университетской больнице кантона Женева.

Эта моя двойная работа – медицинская и литературная – продолжилась в 1953–1956 годах в Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. Но на сей раз главной моей задачей было преподавание литературы (Монтеня, Корнеля, Расина), хотя оно и сопровождалось регулярным присутствием на врачебных обходах и клиничко-патологических исследованиях в университетской больнице. Мне удалось воспользоваться ресурсами Института истории медицины, где преподавали Александр Койре, Людвиг Эдельштейн, Овсей Темкин. Мне довелось неоднократно общаться с неврологом Куртом Гольдштейном, чьи работы так много значили для Мориса Мерло-Понти. На факультете humanities я каждый день общался с Жоржем Пуле и Лео Шпитцером.

Результатом этой стажировки в Балтиморе стала диссертация по французской литературе, защищенная в Женевском университете под названием «Жан-Жак Руссо: прозрачность и преграда» (вышла в издательстве «Плон» в 1957-м, затем в издательстве «Галлимар» в 1970 году). А первоначальный набросок исследования о Монтене принял окончательную форму лишь в более поздней книге – «Монтень в движении» (1982).

Я излагаю все эти этапы своей биографии в молодости, чтобы развеять одно недоразумение. Меня часто рассматривали как бывшего врача, занявшегося критикой и историей литературы. На самом же деле эти занятия смешивались между собой. В 1958 году мне был поручен в Женеве курс истории идей, который затем непрерывно продолжался, затрагивая и предметы, связанные с историей литературы, философии и медицины, а точнее – психопатологии.

Из моего интереса к истории меланхолии выросло ее первое последовательное изложение, почти повествовательный текст, останавливающийся на судьбоносной дате – 1900 год.

Перепечаткой этого первого своего исследования, долго распространявшегося почти подпольно, я и решил открыть настоящий том. Оно было выпущено в 1960 году для некоммерческого использования в серии «Acta psychosomatica», издававшейся в Базеле лабораторией Гейги. Эта «История врачевания меланхолии» и была моей диссертацией, представленной в 1959 году на медицинский факультет Лозаннского университета.

В этой работе я изначально не собирался освещать новые методы в лечении депрессивных синдромов, открытые или получившие точную кодификацию после 1900 года. Руководство лаборатории Гейги предполагало, что обзором методов XX века займется Роланд Кюн (1912–2005), главный врач кантональной психиатрической больницы в Мюнстерлингене (кантон Турговия). По своему клиническому опыту он далеко превосходил меня. Он первым занялся исследованием фармакологических свойств трициклического вещества имипрамин (тофранил), ознаменовавшего новый этап в истории медикаментозного лечения меланхоличе-

ской депрессии. Не знаю, по каким причинам этот обзор не получил осуществления. Роланд Кюн, внимательно следивший за фармакологическими новинками, не хотел отказываться и от философских или «экзистенциальных» подходов к душевным болезням. Будучи связан с Людвигом Бинсвангером и его «анализом “я”», а позднее близко общавшийся с Анри Мальдине, он хотел, чтобы психиатрическая практика не упускала из виду содержание переживаний. В одной из моих работ засвидетельствован мой интерес к исследованиям Роланда Кюна. Это статья, напечатанная в журнале «Крит^о,к» (№ 135–136, 1958 год), а затем перепечатанная под названием «Проективное воображение» в книге «Отношение критики». В ней специально идет речь о труде Кюна «Феноменология маски и тест Роршаха», изданном в 1957 году с предисловием Гастона Башляра⁵.

В 1958 году я окончательно оставил врачебную деятельность. Соответственно, я не мог судить по данным из первых рук о результатах более новых методов лечения депрессии. Тем не менее часть своих лекций в Женевском университете я по-прежнему посвящал историко-медицинской тематике.

Различные мотивы, связанные с меланхолией, направляли мои исследования на протяжении более полувека. В своем нынешнем виде эта книга, зародившаяся еще в 1960 году и сложившаяся благодаря дружескому сотрудничеству Мориса Олендера, смогла приблизиться к своего рода «веселой науке» о меланхолии.

Жан Старобинский

Я признателен Фернандо Видалю, во многом способствовавшему созданию этой книги.

---

⁵ См.: *Starobinski J. La Relation critique* (nouvelle édition). Paris: Gallimard, 2008. P. 274–292; *Kuhn R. Phénoménologie du masque à travers le test de Rorschach*. Paris: Desclée de Brouwer, 1957 (французский перевод Жаклин Вердо).

История врачевания меланхолии

Введение⁶

Историю лечения меланхолии нельзя изучать в отрыве от истории самой этой болезни. В разные эпохи меняются не только методы терапии, но и состояния, обозначаемые понятиями «меланхолия» или «депрессия». Историк в данном случае имеет дело с двумя переменными величинами. Несмотря на все предосторожности, некоторой путаницы не избежать. В прошлом практически невозможно обнаружить привычные для нас сегодня нозологические категории. Истории болезни, встречающиеся в старинных книгах, порой рождают искушение поставить диагноз задним числом. Но для него всегда чего-то не хватает, прежде всего присутствия больного. Терминология нашей психиатрии, не всегда уверенно описывающая и живого пациента, тем более не может похвастаться точностью, когда перед ней всего лишь рассказ или исторический анекдот. Случаи из практики, которыми ограничивается большинство врачей-психиатров вплоть до XIX века, весьма любопытны, но недостаточны.

Эскироль любил говорить, что безумие – «болезнь цивилизации». Действительно, человеческие болезни – это не чисто природные явления. Пациент страдает болезнью, но и сам созидает ее либо воспринимает от своей среды; врач наблюдает болезнь как биологический феномен, но, давая ей определение и название, классифицируя ее, превращает в отвлеченное понятие, воплощает в ней определенный этап коллективного научного развития. Как для больного, так и для врача болезнь есть факт культуры и меняется вместе с культурными условиями.

Вполне очевидно, что постоянное присутствие слова «меланхолия» в медицинском лексиконе начиная с V века до н. э. свидетельствует всего лишь о стремлении к языковой преемственности: люди прибегают к одним и тем же словам для обозначения разных явлений. Подобное лексическое постоянство не имеет ничего общего с косностью: медицина, меняясь, стремится утвердить единство подходов на протяжении веков. Но словесное сходство не должно вводить нас в заблуждение: факты, описываемые одним и тем же словом «меланхолия», существенно различаются. Когда врачи древности констатировали у больного стойкие страхи или уныние, их диагноз представлялся им точным; с позиций же современной науки они не различали эндогенные депрессии, реактивные депрессии, шизофрениии, тревожные неврозы, паранойи и т. п. Со временем из первоначального конгломерата выделились несколько более четких клинических картин, для объяснения которых выдвигалось множество противоречащих друг другу гипотез. Иными словами, лекарства, разработанные на протяжении веков для лечения меланхолии, воздействовали на разные болезни и разные комплексы причин. Одни предназначались для корректировки гуморальной дискразии, другие – для изменения определенных состояний нервного напряжения или расслабленности, к третьим прибегали, когда следовало отвлечь больного от навязчивой идеи. Различные типы лечения, с которыми нам предстоит познакомиться, безусловно, связаны с клиническими состояниями и симптомами, которые сегодня мы бы сочли весьма разнородными.

Вплоть до XVIII века практически любая психическая патология могла быть отнесена на счет гипотетической черной желчи. Диагноз «меланхолия» предполагал полную уверенность в источнике болезни: в ней повинна порча этого гумора. Проявления недуга были многообразны, но причина его – достаточно проста. Мы по праву отвергли эту простодушную уверенность, опирающуюся на воображаемое. Мы далеки от заносчивой категоричности в суждениях о при-

---

⁶ Диссертация 1960 года публикуется в первоначальном виде, без каких-либо поправок и дополнений, в том числе в примечаниях и библиографии, которая за истекшие полвека значительно пополнилась.

роде и механизмах отношений между психикой и физиологией. За невозможностью выявить единый патологоанатомический субстрат любых депрессий, как это удалось сделать для общего паралича, психиатрия XIX века стремилась выделять многочисленные разновидности болезненной симптоматики или «феноменологии». Современное, уточненное понятие депрессии покрывает куда менее обширное поле, чем слово «меланхолия» у древних. На место непродуманной и легковесной этиологии, характерной для донаучного сознания, пришло строгое описание, и наука имела мужество признать, что истинные причины болезни по-прежнему неизвестны. Псевдонаучная и псевдокаузальная терапия уступила место более скромным методам лечения чисто симптоматического характера. Подобная скромность, во всяком случае, открывает путь для исследования и простор для мысли.

Учителя древности

Гомер

Меланхолия, как и множество иных болезненных состояний, неотделимых от удела человеческого, существовала и была описана задолго до того, как получила свое имя и медицинское истолкование. Гомер, первоисточник любой образности и любых идей, тремя стихами позволяет нам ощутить страдания меланхолика. Перечитаем VI песнь «Илиады» (ст. 200–203), где говорится о Беллерофонте, жертве непостижимого гнева богов:

Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен,
Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце глoday себе, убегая следов человека⁷.

Скорбь, одиночество, отказ от любого общения с людьми, скитания; эта катастрофа беспричинна, ибо Беллерофонт, доблестный и непорочный герой, ничем не прогневил богов⁸. Напротив, своими несчастьями, своим первым изгнанием он обязан добродетели; все его испытания вызваны тем, что он отверг преступные притязания царицы, которая с досады превратилась в его гонительницу. Беллерофонт мужественно выдержал долгий ряд испытаний, победил Химеру, избежал всех ловушек, отвоевал себе земли, супругу, покой. И вот, когда, казалось бы, все наладилось, он внезапно падает духом. Может, он исчерпал в борениях свою жизненную энергию? Или, за неимением новых противников, обратил ярость против себя самого? Отвлечемся от этой психологии, у Гомера ее нет. Обратим внимание, напротив, на впечатляющую картину его изгнания по велению богов. Все без исключения боги полагают справедливым преследовать Беллерофонта: герой, отлично сумевший противостоять гонениям людей, не в силах одолеть ненависть богов. Тот, к кому питают вражду олимпийцы, утрачивает желание общаться с людьми. Вот что главное: гомеровский мир устроен так, как если бы для общения человека с себе подобными, для верного выбора пути ему требовалась божественная гарантия⁹. Если все боги отказывают ему в этой милости, он обречен на одиночество, на снедающую скорбь («сердце глoday себе», то есть на одну из форм *аутофагии*), на тревожные скитания. Депрессия Беллерофонта – лишь психологический аспект этой оставленности человека высшими силами. У покинутого богами нет сил и мужества находиться среди своих собратьев. Гнетущий его таинственный гнев небес отвращает от путей, проторенных людьми, выталкивает за пределы всякой цели и всякого смысла. Быть может, это безумие, *мания*? Нет; при безумии, при мании человеком движут или в человеке обитают сверхъестественные силы, чье присутствие он ощущает. Здесь же перед нами отсутствие, покинутость. Беллерофонт скитается в какой-то пустоте, вдали от богов, вдали от людей, в безграничной пустыне.

Чтобы избавиться от своей «черной» скорби, меланхолику ничего не остается, как ждать божественного благоволения или же вновь снискать его. Прежде чем он сможет обратиться с речью к другим людям, божество должно вернуть ему милость, которой он лишился. А воля богов прихотлива...

---

⁷ Перевод Н. Гнедича. – Прим. перев.

⁸ По крайней мере в версии Гомера. Согласно же Пиндару, Овидию, Плутарху, богов оскорбили непомерные притязания Беллерофонта, который счел себя бессмертным и, оседлав Пегаса, хотел взобраться на Олимп.

⁹ Об отношениях между человеком и богами у Гомера см. работу Рене Шерера: *Schaerer R. L'homme antique et la structure du monde intérieur d'Homère à Socrate*. Paris: Payot, 1958.

Но Гомер первым упоминает и силу лекарства, *pharmakon*. Смесь египетских трав, секрет цариц, *непентес* утишает страдания и ослабляет укусы желчи. Логично, что именно Елена, ради любви которой любой мужчина готов все позабыть, владеет привилегией оделять питьем забвения, умеряющим сожаления, на время осушающим слезы, внушающим смиренное приятие непостижимых приговоров богов. Именно в «Одиссее» (песнь IV, ст. 219 след.), поэме о хитроумном герое и тысяче его уловок, уместно появление этого чудесного снадобья, действие которого успокаивает муки человека, неотделимые от его жестокой судьбы и беспокойного удела.

Таким образом, Гомер, рисуя нам мифическую картину меланхолии, где болезнь человека проистекает из немилости богов, одновременно дает пример фармацевтического облегчения скорби, не имеющего ничего общего с божественным вмешательством: искусство отбирать растения, выжимать, смешивать, процеживать их одновременно токсичные и благотворные экстракты – целиком человеческое (хотя, конечно, окруженное некоторыми ритуалами). Безусловно, действие лекарства, отчасти схожего с чарами, усиливает и прекрасная рука, оделяющая питьем. Скорбь Беллерофонта имеет истоком Совет богов; но в шкатулках Елены кроется исцеление.

Тексты Гиппократовского корпуса

«Если страх и печаль долгое время будут угнетать, то это признаки меланхолии»¹⁰. Здесь впервые упомянута *черная желчь* – густая, едкая, сумрачная субстанция, которая и составляет буквальный смысл слова «меланхолия». Это естественный телесный гумор, такой же, как *кровь*, как *желтая желчь*, как *слизь*. Подобно другим сокам тела, она может образовываться в избытке, разливаться за пределы своего естественного вместилища, воспаляться, портиться. Из этого проистекают различные болезни: эпилепсия, буйное помешательство (мания), печаль, поражения кожи и т. д. Состояние, которое мы сегодня именуем меланхолией, есть лишь одно из множества проявлений патогенной способности черной желчи, когда ее избыток или качественное изменение нарушают *исономию* (то есть гармоничное равновесие) гуморов¹¹.

Вероятно, греческих врачей навели на мысль о наличии четвертого гумора, столь же важного, как и три других, наблюдения за черными рвотными массами или черными экскрементами. Темный цвет селезенки позволял предположить по несложной ассоциации, что данный орган и есть естественное вместилище черной желчи¹². А возможность установить прямую аналогию между четырьмя гуморами, четырьмя свойствами (сухое, влажное, теплое, холодное) и четырьмя стихиями (вода, воздух, земля, огонь) доставляла удовольствие уму. Для полноты симметричной картины мира сюда же могли добавляться четыре возраста жизни, четыре времени года, четыре стороны света с четырьмя направлениями ветров. Меланхолия по аналогии соотносилась с землей (сухой и холодной), с предстарческим возрастом и с осенью, опасным временем года, когда желчность набирает наибольшую силу. Тем самым выстраивался упорядоченный космос, чье основное четырехчастное деление воспроизводится в человеке и где время есть лишь регулярное чередование четырех времен года.

В правильной пропорции черная желчь, «меланхолия» – один из необходимых элементов *красиса*, определяющего состояние здоровья. Если же она начинает преобладать, то равнове-

¹⁰ Hippocrate. Aphorismes // Œuvres complètes d'Hippocrate / Éd. par É. Littré. 10 vol. Paris, 1839–1861. Vol. 10. P. 569. (Гиппократ. Афоризмы. VI, 23 // Гиппократ. Избранные книги. Книга I / Пер. с греч. В.И. Руднева. М.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы, 1936. С. 723. – Прим. перев.)

¹¹ О проблеме гуморов существует большое количество литературы; прекрасный ее обзор применительно к интересующей нас проблеме содержится в статье: Müri W. Melancholie und schwarze Galle // Mus. Helv. 1953. № 10. S. 21. См. также отличную обобщающую работу: Drabkin I.E. Remarks on ancient psychopathology // Isis. 1955. № 46. P. 223.

¹² Sigerist H.E. Introduction à la médecine / Trad. française par M. Ténine. Paris, 1932. P. 120–129.

сие нарушается и возникает болезнь. Иными словами, наши болезни проистекают из рассогласованности тех самых элементов, из каких складывается наше здоровье.

Четкая система четырех гуморов возникает лишь в трактате «О природе человека», который традиционно приписывается Полибию, зятю Гиппократу. В других трактатах, например «О древней медицине», судя по всему, допускается существование большего числа гуморальных разновидностей, каждая из которых имеет свои особенности. Скорее всего, важную роль в восприятии «черной желчи» как четвертого элемента, наряду с кровью, слизью и желтой желчью, сыграло научное умозрение. Свое влияние, безусловно, оказали и народные иррациональные верования. В Аттике в конце V века до н. э., то есть еще до формирования медицинской доктрины, верили в пагубное действие черной желчи¹³. Софокл, описывая смертельно ядовитую кровь Лернейской гидры, в которой Геракл смочил свои стрелы, употребляет слово *melancholos*¹⁴. Кентавр Несс умирает, пронзенный такой стрелой; и жертве передадутся во вторичном растворе ядовитые свойства гидры. Кровь Несса, собранная Деянирой, послужит для пропитки знаменитой туники: ее прикосновение вызовет у Геракла нестерпимый ожог и подтолкнет к героическому самоубийству. Перед нами прекрасный пример *субстанциального воображения*¹⁵: меланхолический яд есть темный огонь, который действует в ничтожных дозах и даже в этих малых дозах несет в себе опасность; это двусоставное соединение, в котором пагубные свойства черного цвета и коррозионные свойства желчи усиливают друг друга. Черный цвет – зловещий, он действует в союзе с ночью и смертью; желчь едкая, раздражающая, горькая. Из некоторых текстов Гиппократу становится ясно, что черную желчь представляли себе как концентрат, гущу, остающуюся после выпаривания водянистых элементов других гуморов, прежде всего желтой желчи. На черную желчь переносится устрашающая сила концентрированных веществ, соединяющих в минимальном объеме максимум активных, агрессивных, коррозионных свойств. Много позже Гален будет наделять черную желчь поразительной жизненной силой: она «кусает и разъедает землю, вспучивается, бродит и порождает пузыри, подобные тем, что вздымаются на кипящей похлебке»¹⁶. По счастью, в здоровом организме ее бурное действие ослабляется, разбавляется, сдерживается вмешательством других гуморов. Но малейший избыток черной желчи – это опасность! Берегись малейшего ее нагрева: любой пустяк нарушит все равновесие. Ее изменения происходят куда быстрее и куда более грозны, чем у всех прочих гуморов. Как сказано в одном из текстов Аристотеля, черная желчь, подобно железу, может переходить из крайнего холодного в раскаленное состояние. И риску подвергается самый разум¹⁷.

По мнению древних, основными симптомами меланхолического расстройства являются печаль и страх. Но простое различие локализации меланхолического гумора обуславливает весьма значительные различия в симптоматике:

Меланхолики обыкновенно становятся эпилептиками, а эпилептики – меланхоликами; из этих двух состояний преобладающее определяет направление болезни: если она склоняется на тело, делаются эпилептиками, а если на рассудок – меланхоликами¹⁸.

¹³ *Miiri W. Melancholie und schwarze Galle.*

¹⁴ *Софокл. Трахинянки. Ст. 573.*

¹⁵ Этот термин позаимствован нами у Гастона Башляра (*Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique. Contribution à une psychanalyse de la connaissance objective. Paris, 1938. Chap. VI. L'obstacle substantialiste.*)

¹⁶ *Galien. Des lieux affectés. III, IX // Œuvres de Galien / Trad. française par Ch. Daremberg. Vol. II. Paris, 1854–1855.*

¹⁷ *Аристотель. Problemata. XXX, 1. В XVI веке черную желчь будут сравнивать также с чернилами. «Quell'inchiostrò» – «Эти чернила», скажет Кампанелла (*Campanella T. Del senso delle cose e della magia / Éd. par A. Bruers. Bari, 1925. P. 193.*)*

¹⁸ *Hippocrate. Épidémies, VIII, 31 // Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. V. P. 355. (Гиппократ. Эпидемии // Гиппократ. Сочинения. Т. II / Пер. с греч. В.И. Руднева. М.: Медгиз, 1944. С. 286. – Прим. перев.)*

Высказывание двусмысленное. Слово «меланхолия» означает природный гумор, который может и не быть патогенным. Но тем же самым словом обозначается душевная болезнь, вызванная избытком или искажением природы этого гумора, когда он затрагивает главным образом «рассудок». Вместе с тем у данного расстройства имеется определенное преимущество: оно придает особую остроту уму, сопутствует героическому призванию, поэтическому или философскому гению. Эта мысль, содержащаяся в аристотелевских «Problemata», окажет значительное влияние на западную культуру.

Несмотря на то что перевести античные понятия в современную терминологию достаточно сложно, можно сделать главный вывод: в гиппократовских текстах нервно-психиатрические симптомы (депрессия, галлюцинации, маниакальные состояния, припадки конвульсий) четко и недвусмысленно соотнесены с соматическим, гуморальным источником: с избытком или порчей гуморов, с нагреванием или охлаждением, с закупоркой или непроходимостью определенных путей, которые должны оставаться свободными. Все это причины физические¹⁹. Как следствие, терапия предписывается также физического порядка: очищение организма, отвод гумора из одной области тела в другую, охлаждение или согревание с помощью ванн соответствующей температуры, корректировка режима питания.

Среди причин, ведущих к гуморальным нарушениям, важную роль играют диета и физическая нагрузка, сопоставимые в этом плане с климатом и состоянием воздуха. Но и диета, и физическая нагрузка, и сон определяются личным решением пациента – постольку, поскольку речь идет о свободном человеке, который в состоянии по-своему выстроить образ жизни. Ошибки, расстройства ритмов повседневной жизни чреваты негативными последствиями: по неведению или легкомыслию, из чревоугодия или по недостатку физических упражнений можно стать меланхоликом. Лечение будет включать в себя прежде всего возврат к подобающей дисциплине и корректировку диеты; лекарственные средства применяются окказионально. То есть, хотя непосредственная причина болезни трактуется исключительно в терминах соматики, ее более глубокие корни уходят по большей части в поведение пациента, и процесс лечения требует – иногда весьма настоятельно – участия воли и разумной инициативы больного. С одной стороны, все меры направлены на то, чтобы восстановить в организме чисто количественное равновесие, с другой – больной должен следовать наставлениям, научиться признавать нравственную необходимость числовой пропорции; ему нужно преодолеть себя и упорядочить свое повседневное поведение: когда разум осудит допущенные им излишества, он сумеет лучше выбирать пищу, лучше распределять время между отдыхом и деятельностью. Как хорошо показал Вернер Йегер²⁰, медицина у эллинов была *пαιδείей*, воспитанием человека, который учится обращаться со своим телом в соответствии с требованиями разума. Тем самым лечение, направленное на чисто соматические причины, сочетается с настоящей психотерапией.

Но лечение подобного рода предполагает, что больной достаточно разумен, чтобы вести диалог с врачом и следовать его наставлениям. А как быть, если больной не в своем уме? Тогда на первый план выходят физические и фармацевтические средства: болезнь атакуют лекарства, вызывающие у больного обильное очищение организма и, сверх того, сильный шок. Рассмотрим одно из описаний Гиппократова лечения:

Забота, тяжкая болезнь: больному кажется, что у него во внутренностях колет какой-то шип; его мучит тоска; он избегает света и людей; он любит мрак; на него нападает страх; диафрагма выступает наружу; когда к больному

¹⁹ Hippocrate. Sur la maladie sacrée // Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. VI. P. 352–396. (Гиппократ. О священной болезни // Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 493–514. – Прим. перев.) Об истории эпилепсии см. важный труд О. Темкина: Temkin O. The Falling Sickness. Baltimore, 1945.

²⁰ Jaeger W. Paideia. 3 ed. Bd. I–III. Berlin, 1954 (см.: Bd. II, Buch III: Die griechische Medizin, als Paideia. S. 11–58).

прикасаются, ему это причиняет боль; он пугается и видит страшные призраки, ужасные сны и иногда мертвецов. Болезнь поражает обыкновенно весной. Такому больному нужно дать чемерицу, очистить голову и после очищения головы дать лекарство, очищающее низом, потом прописать пить ослиное молоко. Больной должен употреблять очень мало пищи, если он не слаб; пища должна быть холодная, послабляющая: ничего едкого, ничего соленого, ничего маслянистого, ничего сладкого. Больной не должен мыться горячей водой; он не будет пить вина, а ограничится водой; если же нет, то вино должно быть разбавлено водой; совсем не нужно гимнастики, прогулок. Этими средствами болезнь со временем излечивается, но, если ее не лечат, она оканчивается с жизнью больного²¹.

Автор здесь не упоминает эксплицитно черную желчь, однако мы знаем, что он стремится вывести из организма именно эту субстанцию, ибо прибегает к лекарству – чемерице, которая веками будет считаться специфическим средством против черной желчи, а следовательно, против безумия. Оно станет типичным лекарством, из тех, одно название которых говорит о целях, в которых его традиционно использовали. В XVII веке читателям не требовалось комментария, чтобы понять стихи Лафонтена, где заяц насмехается над черепахой:

Кумушка, вас надобно прочистить
Четырьмя зернышками чемерицы²².

Даже когда ее применение сошло на нет, о ней по-прежнему писали в медицинских трактатах и словарях, то есть в академическом плане она продолжала жить: еще в начале XIX века большинство авторов (Пинель²³, Пеллетан²⁴) излагают причины, по которым они окончательно отказались от подобного лечения; другие же, подобно Казенаву²⁵, пытаются дать ему обоснование «в духе времени», ссылаясь на «контрстимуляцию».

Чемерица, которую в древности использовали для выведения черной желчи, представляла собой экстракт или отвар корня *Helleborus niger* либо же иногда, вероятно, менее токсичной *Helleborus viridis*. Мы знаем, что это растение семейства лютиковых, обладающее некоторым кардиотоническим эффектом, вызывает главным образом диарею и рвоту. Экстракт чемерицы раздражает слизистую и может приводить к черному или кровянистому калу, поэтому древние пребывали в иллюзорной уверенности, что очищают организм от излишков черной желчи.

Очевидно, что гиппократики, назначая чемерицу, руководствовались исключительно рациональными мотивами, однако есть основания полагать, что это растение применялось в еще более древнюю эпоху и с ним связаны магические верования. Весьма красноречиво свидетельствует Плиния Старшего:

Меламп, знаменитый своим искусством предсказания, дал имя свое
некоему роду чемерицы, называемому «меламподион». Согласно некоторым
авторам, растение это было найдено пастухом, носившим то же имя. Открыв,

²¹ *Hippocrate. Des maladies, II // Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. VII. P. 109. (Гиппократ. Сочинения. Т. II / Пер. с греч. В.И. Руднева. С. 114–115. – Прим. перев.)*

²² «Ma commère, il vous faut purger / Avec quatre grains d'ellébore» (*La Fontaine Jean de. Fables. Livre VI, 10: «Le Lièvre et la Tortue»*).

²³ *Pinel Ph. Art. «Ellébore» // Encyclopédie méthodique. Série Médecine. T. V. Part. 2e. Paris, 1792.*

²⁴ *Pelletan P. Art. «Ellébore» // Dictionnaire des sciences médicales. 60 vol. Paris, 1812–1822. Vol. XI. 1815.*

²⁵ *Cazenave P.-L.-A. Art. «Ellébore» // Dictionnaire de médecine / Éd. par N. Adelon et coll. 30 vol. 2e éd. Paris, 1832–1846. Vol. XV.*

что оно вызывает очищение у коз, съевших его, он напоил молоком оных коз дочерей Прета и тем исцелил их от безумия²⁶.

Согласно этому пастушескому мифу, три дочери Прета бродили по полям, вообразив себя коровами. Из-за болезни у них выпали волосы. В награду за успешное лечение царь Прет отдал одну из них – Ифианассу – в жены Мелампу, и к ней полностью вернулись как рассудок, так и волосы. Но вот что читаем далее у Плиния:

Меламподионом именуется только черная чемерица; ею окуривают дома; ее рассыпают, чтобы очистить скот, произнося некоторые заклинания; также и собирают ее с особыми ритуалами. Для начала очерчивают вокруг растения круг мечом; затем тот, кто должен его срезать, оборачивается на восток и молитвой испрашивает одобрения богов; кроме того, он наблюдает, и если видит в воздухе орла, ибо птица сия почти всегда показывается во время сего действия, и если орел приближается к срезающему растению, это знак, что тот в течение года умрет²⁷.

Сбор чемерицы, как и мандрагоры, о которой пойдет речь ниже, – дело отнюдь не легкое: растение, обладающее такой страшной силой, собирают с осторожностью. И даже если, как в апокрифических «Письмах» Гиппократу, к осторожности этой не примешивается суеверие, сбор все равно требует множества советов относительно любой мелочи, свидетельствующих о чрезвычайно рачительном отношении к природным вариациям, способным затронуть содержание действующих веществ в растении:

Собери в особенности растения гор и высоких холмов; они более плотны и более действительны, чем водянистые растения, вследствие плотности земли и тонкости воздуха, ибо то, что они привлекают, более жизненно. <...> Все отвары и жидкие соки должны быть доставлены в стеклянных сосудах. Пусть все, что будет состоять из листьев, цветов или корней, будет привезено в глиняных сосудах, новых, плотно закрытых, чтобы, пораженные дуновением ветра, они не потеряли своей лекарственной силы, находясь как бы в обморочном состоянии²⁸.

С чемерицей обращаются как с драгоценностью, как с растительным сокровищем; ее надо оберегать, правильно хранить, держать в новом темном сосуде; она – живое существо, чью жизнь следует сохранить. Ибо в промежутке между сбором и назначением больному ее подстерегают многочисленные опасности, главная из которых – утрата целебной силы: чемерица, подобно духам, может выветриться. Отсюда – великие предосторожности, имеющие целью уловить и сохранить таинственное существо, «действенное начало» растения. Нужно следовать указаниям наставника; только он знает, какую *концентрацию* воли должен предписать себе сборщик, чтобы обеспечить нужную концентрацию собираемого и изготавливаемого лекарства. Рассеянность «корнереза», небрежное обращение чреваты дезактивацией опасной и неустойчивой субстанции.

Целебные свойства чемерицы – прекрасный пример той иллюзорной валоризации, какой в донаучные эпохи подвергались некоторые особые субстанции. Воображению свойственно выстраивать целую сказочную фармакологию; лекарства должны были удовлетворять двум требованиям: обладать специфическим действием и служить панацеей. «Добрая трава» либо считается антидотом для строго определенного яда, единственным как бы изначально предна-

---

²⁶ *Pline l'ancien. Histoire naturelle / Texte latin et trad. française par P.-C.-B. Guérout. 3 vol. Paris, 1802. XXV, 21 et 22.*

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. IX. P. 345. (Гиппократ. Сочинения. Т. III / Пер. с греч. В.И. Руднева. С. 322. – Прим. перев.)*

значенным для данной болезни лечебным средством, либо наделяется неограниченной силой, поразительной многогранностью, вследствие чего ее используют при лечении множества совершенно несходных болезней. Лучшее растение способно быть одновременно и специфическим лекарством, и панацеей.

К числу таких растений относится и чемерица. Это специфическое средство от меланхолии, но если собрать ее в особых местах, она будет обладать и, так сказать, сверхспецифичностью. Особо действенный, элитный вид чемерицы, последнюю надежду меланхолика и эпилептика, собирали в окрестностях города Антикиры в Фокиде. Выражение «уплыть в Антикиру» превратилось в поговорку. И приезжали туда издалека.

Но, с другой стороны, Плиний и Диоскорид²⁹ не скупятся, перечисляя другие целебные свойства чемерицы: она хороша при параличе, безумии, водянке, подагре и других болезнях суставов; глазные капли из нее уменьшают бельма; она очищает кожу и ускоряет созревание золотушных струпуев, гнойных абсцессов, твердых опухолей, свищей, экзем; убирает бородавки; даже излечивает паршу у животных. Сколько свойств одновременно! По-настоящему действенное лекарство обладает огромным количеством показаний к применению.

Врач Гиппократовой школы считает необходимым использовать столь сильное слабительное, как чемерица, чаще всего с целью помочь «естественному» очищению организма, когда оно затруднено: причину приступа меланхолии он обычно видит в прекращении менструаций, геморроидального кровотечения и даже кожного нагноения. Черная желчь становится патогенной, потому что не выводится из организма. Поэтому спонтанное возобновление ее истечения считается обнадеживающим симптомом: «Если у меланхоликов с симптомами френита открываются геморрой – это хорошо»³⁰.

Данная теория пользовалась признанием весьма долго; дабы излечить меланхолика или облегчить его страдания, следует «выманить» наружу застоявшийся в его теле гумор. Авторы совсем недавнего времени, например Эскироль³¹ или его ученик Кальмейль³², хотя и отвергают гуморальную теорию, по-прежнему рекомендуют так называемые «отвлекающие» методы: полезно обострить дерматоз; кровопускания из матки или ануса призваны «заменить геморроидальные кровотечения» или «восстановить менструальные выделения»; для тех же целей применяют повязки и лигатуры, медицинские банки, средства кожно-раздражающего действия. Когда врачи XIX века ставят больным пиявки на виски, они всего лишь практикуют селективное «очищение» головы, первое упоминание которого встречается в тексте Гиппократата. Древние прописали бы еще средства, вызывающие повышенное слюноотделение или раздражающие слизистую носа. Нужны ли кровопускания при меланхолии? Эта мера также оставалась в центре дискуссий вплоть до XIX века. Непростой вопрос для строгих последователей гуморальной теории: в самом деле, как быть, если болезнь вызвана нежелательной пропорцией крови и черной желчи? Надо иметь возможность вывести из организма избыток желчи, но так, чтобы не лишиться его необходимой крови. Некоторые авторы XVIII и XIX веков, стремясь более убедительно обосновать необходимость кровопускания, относят меланхолию на счет «избыточного полнокровия мозговых сосудов». Древние или устаревшие методы лечения, подкрепленные представлением об их действенности, нередко сохраняются посредством периодического пересмотра аргументации или рациональных доводов в их пользу. В данном случае медицина долгое время следовала одному и тому же принципу терапии – принципу, согласно которому определенная органическая субстанция, чей избыток нарушает органическое равновесие и искажает функции мозга, подлежит выведению из организма.

²⁹ *Dioscorides, Pedanius Anazarbeus. De materia medica: 3 vol. / Éd. par M. Wellmann. Berlin, 1906–1914. Vol. II. P. 308.*

³⁰ *Hippocrate. Des crises, 41 // Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. IX. P. 291. (Гиппократ. О кризисах, 41 // Гиппократ. Сочинения. Т. II / Пер. с греч. В.И. Руднева. С. 412. – Прим. перев.)*

³¹ *Esquirol J.-É.-D. Des maladies mentales. 2 vol. Paris, 1838. Vol. I. P. 477.*

³² *Calmeil L.-F. Article «Lypémanie» // Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales. 2e série. T. III. Paris, 1870.*

Мы видели, как рождалась отвлекающе-очистительная терапия меланхолии. Любопытно взглянуть, к скольким предосторожностям прибегает в 1870 году Кальмейль, чтобы поставить под сомнение ее эффективность и отказаться от нее. Приведенный ниже документ – лучший пример паразитально стойкого и долговременного авторитета древних лечебных практик:

Я могу лишь склониться перед мнением моего учителя и уважать мнения, сложившиеся в науке, начиная от истоков нашего искусства. Я придаю большое значение теории отвлекающей терапии; я, как и все, наблюдал случаи исцеления, совпадающего с возобновлением менструаций, с возобновлением геморроидальных кровотечений, с созреванием абсцесса, удаленного от очага воспаления, с обильным высыпанием фурункулов; я соглашусь считать все это разнообразие симптомов проявлением кризиса и безоговорочно связать с ними возвращение рассудка; тем не менее я склонен полагать, что мы преувеличиваем частоту и значимость данных кризисных явлений и принимаем повторение относительно редких фактов за закономерность³³.

В гиппократовских текстах встречается еще одно лекарственное средство, иного рода – мандрагора; она обладает главным образом седативным действием: «Людям печальным, больным, ищущим удавиться, давай поутру в питье корень мандрагоры в дозе меньшей, чем вызывающая бред»³⁴.

Писать о ней будут еще долго, к скудным наблюдениям за ее лечебным эффектом добавятся комментарии, рожденные вымыслом и легендой. Целебные свойства мандрагоры близки к ваголитическому и галлюциногенному действию белладонны. Согласно некоторым древним авторам, это чудесное и опасное растение способно действовать на расстоянии, посредством своих паров. Цельс³⁵ полагал, что «яблоки» мандрагоры, положенные под подушку, суть сильное снотворное, позволяющее успокоить больных, страдающих манией, и буйных меланхоликов; прибегать к нему следует не ранее, чем будут испробованы более слабые медикаменты. В средние века такую ингаляционную терапию будут практиковать в качестве анестезии. Губка, которой хирург Уго Боргоньони давал дышать своим пациентам, была смочена в жидкости, содержащей мак, белену и мандрагору³⁶. Пропитанную этими веществами и высушенную на солнце губку незадолго до операции погружали в горячую воду; разумеется, отмечает Луиджи Беллони, действия одной лишь ингаляции было бы недостаточно; больной выпивал часть жидкости и впадал в состояние ступора, подобное тому, которое в наше время вызывается назначением смеси опиатов и алкалоидов белладонны. В эпоху Возрождения мандрагора будет входить в число множества трав, применявшихся как ингаляционные лекарства; из них готовили *ароматы, узелки с травами, налобные повязки...* Конечно, иногда грозный экстракт, разведенный в надлежащей пропорции, пробовали пить. Яго обещает Отелло такую муку, что даже мандрагора не поможет ему уснуть:

Ни мак, ни мандрагора,
Ни все дремотные настои мира
Уж не вернут тебе тот сладкий сон,

³³ Calmeil L.-F. Article «Lypémanie».

³⁴ Hippocrate. Des lieux dans l'homme // Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. VI. P. 329. (Гиппократ. О местах в человеке, 39 // Гиппократ. Сочинения. Т. III / Пер. с греч. В.И. Руднева. С. 146–147. – Прим. перев.)

³⁵ Celsus Aulus Cornelius. De arte medica, III, 18 // Corpus medicorum Latinorum. Vol. I / Éd. par F. Marx. Leipzig – Berlin, 1915.

³⁶ Belloni L. The mandrake // Psychotropic Drugs, Proceedings of the International Symposium on Psychotropic Drugs / S. Garattini, V. Ghetti (éd.). Milano, 1957. P. 5–9; Belloni L. Dall'elleboro alla reserpina // Arch. Psicol. Neurol. Psichiat. 1956. № 17. P. 115.

Каким ты спал вчера³⁷.

Гипербола: какой же горькой должна быть мука, чтобы превзойти наркотическое действие опия и мандрагоры!

Но уже со времен Античности мандрагора наделялась и свойствами афродизиака: она входила в состав зелий Цирцеи. А Джон Донн, посвятивший ей несколько строф в «Progress of the Soul», наделяет ее противоположными способностями: она воспламеняет либо усмиряет умы – в зависимости от того, используются ли ее «яблоки» или «листья»:

Плодами разжигать, гасить листьями страсть...³⁸

Мандрагора, окруженное легендой антропоморфное растение, уносит воображение в сферу волшебства, с трудом поддающуюся описанию³⁹. Когда перед нами столь богатая мифология, истинные специфические свойства растения выделить невозможно. Действие мандрагоры как антидепрессанта, ее применение при отвращении к жизни, *taedium vitae*, затерялись в конгломерате магических свойств. Мандрагора с трудом вписывается в терапию, нацеленную на восстановление психического равновесия: она – запретный плод, опасный для познания, носительница смерти и экстаза. В XVI–XVII веках тех, кто ее прописывает, быстро начинают подозревать в занятиях запрещенными искусствами и в том, что они заключили отвратительную сделку с дьяволом.

Цельс

Психиатрическая терапия Асклепиада, дошедшая до нас благодаря римскому энциклопедисту Цельсу, включает довольно много средств, не упомянутых в текстах Гиппократовского корпуса. В случае «печали, вызванной, по-видимому, черной желчью», чисто соматические меры (диета, воздержание от вина, растирания и ванны, слабительные средства) дополняются ободряющей психотерапией:

Надобно изолировать больного от всего, что может его напугать. Врач попытается отвлечь его сказками и играми, которые нравились ему, когда он был здоров. Буде он что-либо создал, его творения следует нахваливать и держать у него на глазах. С его печальными грезами должно бороться мягкими упреками, давая ему почувствовать, что в мучающих его вещах ему вернее было бы находить скорее стимул, нежели повод для беспокойства⁴⁰.

Меланхолика нужно развлекать и поощрять; ему нужно попытаться вернуть чувство собственной значимости. Чтобы избавить его от мрачного взгляда на жизнь, надо сделать мир вокруг светлее и мягче. Хорошим способом оживить окружающую атмосферу является музыка: «Дабы оторвать таких больных от грустных мыслей, полезно будет прибегнуть к аккордам, цимбалам и иным шумным средствам»⁴¹.

Если бы Цельс ограничился только ими! Но ему известны и более жесткие методы: цепи, наказания, шок от внезапного испуга; такому лечению подвергают прежде всего буйных паци-

---

³⁷ Not poppy, nor mandragora, Nor all the drowsy syrups of the world, Shall ever medicine thee to that sweet sleep. (*Шекспир У. Отелло*. III, 3. Пер. М. Лозинского. – *Прим. перев.*)

³⁸ «His apples kindle, his leaves, force of conception kill...» (The Poems of John Donne / Ed. H.J.C. Grierson. Oxford, 1933. P. 274). (*Донн Д. Метемпсихоз, или Путь души*. XV / Пер. Г. Кружкова. – *Прим. перев.*)

³⁹ Символика мандрагоры исследована в недавней книге Альбера-Мари Шмидта: Schmidt A.-M. La Mandragore. Paris, 1958.

⁴⁰ *Celsus Aulus Cornelius. De arte medica*, III, 18 // *Corpus medicorum Latinorum*. Vol. I.

⁴¹ Ibid.

ентов, не желающих внять голосу разума. Подобную энергичную терапию применяли, по-видимому, к больным, страдающим тревожной меланхолией. «Это потрясение действительно может быть полезно, ибо вырывает их из начальной ситуации». Перед нами зарождение метода, который сохранится до наших дней: душевнобольной человек, пав жертвой дурной грезы, как будто пошел по ложному пути, заблудился, удалился от нас. Завладевшая им «дурная воля» заставляет злостно пренебрегать усилиями тех, кто хочет вернуть его на верную дорогу. «Глубокая встряска», которой Цельс подвергает меланхоликов, имеет целью пробудить их от этого сна, вернуть обратно к нам и к самим себе, вновь сделать наши слова доступными для них. Жестокость терапевта, исключая всякое сочувствие скорби, выбьет их разум из убежища, где он скрывается, прикажет ему ответить на зов⁴². На деле главным показанием к такому лечению служит радостное возбуждение, буйная мания: противоположное исцеляется противоположным. Что же касается печальных больных, Цельс призывает обходиться с ними более участливо:

Когда настроение становится слишком мрачным, хорошо прибегать к легким, но продолжительным растираниям дважды в день; следует также назначать холодные обливания головы и ванны с добавлением масел... Не следует оставлять таких людей в одиночестве или в обществе незнакомцев, а тем более тех, кого они презирают или к кому равнодушны. Им должно переменить место жительства и, если разум к ним вернется, путешествовать каждый год⁴³.

Цельс в самом общем виде, но вполне отчетливо вводит в дело эмоциональные факторы и влияние среды. Отметим также совет совершить путешествие – здесь он появляется впервые; мы к нему еще вернемся.

Следует обратить особое внимание на то место, где Цельс пишет о лечении бессонницы у меланхоликов. Ему известна сила опия, но он ее опасается. Отвар мака или белены грозит «превратить иступление в летаргию». Следовательно, начинать нужно с иных, более мягких средств, сопряженных с меньшим риском. Можно наносить на голову «мазь из шафрана в смеси с ирисом», можно также продолжительное время растирать предварительно выбритую голову, но достаточно легкими движениями, «чтобы на коже сохранился только слабый отпечаток»⁴⁴:

Шум воды, истекающей из трубы рядом с больным, прогулка в повозке после трапезы и ночью, а главное, покачивание подвесной кровати суть способы побудить ко сну.

При стойкой бессоннице можно также поставить на затылок кровососные банки. А если все эти осторожные меры окажутся бесполезными, то в качестве последнего средства можно прибегнуть к опасному маку или же положить под подушку яблоки мандрагоры.

Соран Эфесский

Медицинские воззрения Сорана Эфесского дошли до нас, среди прочего, благодаря латинскому переводу Целия Аврелиана его обширного трактата «Об острых и хронических

---

⁴² Жестокость бывает разная. Заметим, что один из лучших врачей XIX века рекомендует разговаривать с меланхоликами «несколько сухо и даже с известной внешней суровостью», а не «адресовать им слова утешения» (*Griesinger W. Traité des maladies mentales / Trad. fr. par P.-A. Doumic. Paris, 1865. P. 565*). Этот совет не утратил своего значения и для современных психотерапевтов.

⁴³ *Celsus Aulus Cornelius. De arte medica, III, 18 // Corpus medicorum Latinorum. Vol. I.*

⁴⁴ *Ibid.*

заболеваниях»⁴⁵. Соран принадлежит к методической школе и относится к гуморальному толкованию меланхолии с величайшим презрением, отбрасывая его как пустую словесную игру. Истинной ее причиной он считает сильное *сужение* фибр, а основными симптомами – тревожность, подавленность, молчаливую печаль, враждебность к близким людям. Меланхолики хотят то жить, то умереть; считают, что им расставляют ловушки, беспричинно плачут, бормочут бессвязные речи, потом внезапно начинают смеяться; эпигастральная область у них вздута, особенно после еды. Соран, в отличие от представителей соперничающих школ, не допускает возможности перехода от «мании» к «меланхолии», однако лечение, предлагаемое им для обоих этих расстройств, во многом сходно. Он с осторожностью относится к слишком сильным лекарствам, таким как алоэ или горькая полынь; опий, равно как и вино, кажется ему опасным. Он отнюдь не сторонник голодания или любовных упражнений. Запирать больного в темноте он считает бесполезным. Прибегать к музыке представляется ему шарлатанством.

Среди рекомендуемых Сораном лечебных средств довольно значительное место занимают припарки. Меланхолию он рассматривает как тяжелую болезнь, главным очагом которой является пищевод (тогда как мания поражает голову). Отсюда – преимущества припарок, которые ставятся между лопатками или в области эпигастрия.

Однако не следует забывать и о психотерапевтических мерах, а также об определенной форме «активной» терапии. Соран рекомендует сводить пациента в театр. Пусть меланхолик посмотрит веселые пьесы; самодовольным безумцам следует показывать трагические произведения. Театр позволяет усилить лечебные средства своего рода эмоциональным антидотом.

И при первой же возможности нужно просить выздоравливающего писать речи и зачитывать их; слушатели, то есть родные и близкие, должны выражать ему свое одобрение, проявлять живейший интерес к представленному произведению и безудержно расхваливать его. После риторического упражнения пациенту показано легкое растирание и небольшая прогулка. Тех же, кто не обучен словесности, нужно расспрашивать о привычных им занятиях, держать их ум в состоянии бодрствования с помощью игр, где нужно считать, и т. д. Данная психотерапия – прообраз рекомендаций Вильгельма Гризингера: как только больной начнет выздоравливать, следует «укреплять его прежнее я», направлять его «к вещам, интересовавшим его до болезни». Ибо, уточняет Гризингер, «у некоторых индивидов целостность мысли и воли самым тесным образом связана с внешними занятиями их жизни; некоторые рабочие полностью обретают единство своей прежней индивидуальности, только вернувшись к труду; некоторым музыкантам нужны звуки их инструмента»⁴⁶. Соран видит в такой разумной тренировке залог излечения меланхолии. С помощью весьма ограниченного набора лечебных средств он, как он сам похвастается, добивается лучших результатов, нежели соперничающие секты. Осмотрительность сочетается у него с безмятежным оптимизмом: он неизменно верит в разум меланхолика; как бы далеко ни зашла болезнь, у тела и духа есть не затронутые ею ресурсы, и врач должен привести их в действие.

Аретей Каппадокийский

В тексте Аретея⁴⁷, посвященном врачеванию меланхолии, ощущаются некоторые сомнения в том, что исцеления возможно добиться при любых обстоятельствах. Может случиться

---

⁴⁵ В отличном издании Целия Аврелиана, осуществленном И.Э. Дабкином (*Caelius Aurelianus. De morbis acutis et chronicis* / Transl. I.E. Drabkin. Chicago, 1950), латинский текст дан с параллельным английским переводом. Меланхолии посвящена глава VI книги I «О хронических болезнях» (Р. 560–563).

⁴⁶ *Griesinger W. Traité des maladies mentales*. P. 549 sq.

⁴⁷ *Arétée de Cappadoce // Medicorum Graecorum opera quae existant* / Éd. par C.-G. Kühn. Vol. XXIV. Leipzig, 1828 / Trad. française par L. Renaud. *Traité des signes, des causes et de la cure des maladies aiguës et chroniques*. Paris, 1834.

так, что даже лучшее лекарство – чемерица – окажется бессильно, особенно если болезнь слишком запущена. В этом случае врач ограничится паллиативными мерами:

Все болезни излечить невозможно. Врач, который мог бы это делать, был бы могущественнее самих богов. Но если не может он искоренить болезнь, в его власти облегчить ее, успокоить и на время унять⁴⁸.

Что имеется в его распоряжении? Конечно, слабительные и желчегонные средства, «укрепляющий режим», а также ванны с термальными водами:

Ванны с добавлением смолы, серы, квасцов и многих других целебных веществ в данном случае чрезвычайно полезны: они не только увлажняют и смягчают излишне сухую кожу меланхоликов, но и доставляют им приятное развлечение при долгом докучном лечении⁴⁹.

Этот совет будет повторяться не раз. *Отвлекающий* метод станет предметом многочисленных умозрительных рассуждений и уточнений: если мы допускаем, что развлечение целебно, то его следует варьировать тысячью различных способов. Бальнеологические курорты, как правило, так устроены, что больные получают, наряду с водами, разнообразные удовольствия; как мы увидим, в XVIII–XIX веках этот тип лечения весьма усердно совершенствовали... Сохранит свое значение и описание слишком сухой кожи меланхолика: это один из патогностических симптомов наряду с худобой, темным цветом лица, стойким запором, вздутием подреберной области.

Существуют также подавленные состояния, во всем подобные меланхолии, но не связанные с черной желчью: их причины лежат в области морали и страстей. Если суметь их выявить и на них повлиять, то можно добиться излечения, которое покажется настоящим чудом. Аретей ставит проблему дифференциальной диагностики:

Рассказывают... что некий человек, пораженный, казалось, неизлечимой болезнью, влюбился в некую девушку и был исцелен любовью, хотя врачи были бессильны. Я же полагаю, что больной этот был и прежде сильно влюблен в ту молодую особу и, не преуспев в своей любви, сделался мрачен, печален, мечтателен, и в глазах своих сограждан, не ведавших причин болезни, выглядел пораженным меланхолией; но впоследствии, став более удачен и насладившись предметом своего желания, сделался менее мрачен и желчен, ибо радость развеяла видимость меланхолии, и любовь только в этом смысле стала целебной и победила меланхолию⁵⁰.

Истинная или ложная меланхолия? Представляется, что здесь Аретей прибегает к привычному для нас разграничению между эндогенной болезнью (которая только и может именоваться меланхолией) и реактивной депрессией. Античная гуморальная теория в принципе позволяла отделять случаи, когда болезнь заключается только в скорби и унынии, от тех, когда она изначально вызвана дискразией, то есть соматическим расстройством. Требуют ли столь различные причины прямо противоположных способов лечения? В первом случае – удовлетворение обманутого прежде желания, во втором – очистительные или разжижающие черную желчь средства... Такое разграничение было бы удобным и отвечало бы определенному стремлению к логической четкости; однако в конечном счете оно оказалось не вполне релевантным в свете столь частых у древних медиков рассуждений о «психосоматике». Моральные причины отзываются в физической структуре организма, изменяют «темперамент» или общий «тонус»:

---

⁴⁸ Ibid. I, 5.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

тот, кто не желчен в силу своей конституции или воздействия физической среды, может тем не менее стать таковым под влиянием беспокойства, несчастья, неутоленной страсти, ученых занятий. Существуют «приобретенные темпераменты». Душевные наклонности всегда находят выражение на уровне тела. Если нравственную причину или пагубную страсть быстро не пресечь, они приведут к органическому расстройству, такому же глубокому и тяжелому, как и при процессах, изначально протекающих на телесном уровне. Авторы медицинских трактатов приводят сколько угодно физических объяснений подобного рода феноменов: перед нами самые настоящие переводы моральных ситуаций на язык соматики, позволяющие подобрать им точные физиологические эквиваленты. Например, согласно Галену⁵¹, несчастная любовь обрекает на ненормальное воздержание, оказывающее пагубное воздействие на мозг вследствие застоя семенной жидкости: данная субстанция, слишком долго удерживаемая в организме, со временем вырождается и посылает в мозг токсичные испарения, аналогичные по своему вредному воздействию парам, образующимся при стазе черной желчи в подреберной области. Тем самым физиологическая любовь становится одной из форм выведения жидкости из организма, подобной геморроидальному кровотечению или потению.

Почти все авторы более позднего времени, говоря о меланхолии, будут затрагивать вопрос о терапевтической роли коитуса. Некоторые, подобно Руфу Эфесскому⁵², приписывали ему чудеса. Врачи более целомудренные и морально озабоченные увидят в этом повод для обстоятельных опровержений: разве не являются половые излишества и разврат, наоборот, постоянными причинами меланхолии?

Любовная тоска, проистекающая из иного источника, но вызывающая такие же нарушения, будет по праву считаться одной из разновидностей меланхолии; история медицины изобилует легендами и трогательными анекдотами, которые из века в век повторяются в самых серьезных трактатах. Наиболее типичная из подобных историй, послужившая образцом для всех прочих, восходит к Плутарху: это сюжет о постыдной страсти, которой воспылал юный царевич Антиох к царевне Стратонике, взятой в жены его отцом Селевком. Полный отчаяния, чувствуя себя преступником, он вознамерился умереть от истощения: «представился больным и постепенно изнурял свое тело, отказываясь от пищи и необходимого ухода. Лекарь Эрасистрат без труда догадался, что царский сын влюблен»⁵³. Дабы выяснить, кто является предметом его любви, Эрасистрат впускал в комнату юного царевича разных людей и не преминул обнаружить, что при появлении царицы Стратоники у больного возникают «все признаки, описанные Сафо: прерывистая речь, огненный румянец, потухший взор, обильный пот, учащенный и неравномерный пульс, и, наконец, когда душа признавала полное свое поражение, – бессилие, оцепенение и мертвенная бледность». Он осторожно оповещает об этом Селевка, и тот заявляет, что готов отдать все, чем владеет, лишь бы спасти сына. Героическое лекарство: он уступает Антиоху Стратонику и часть своего царства. Тот, получив «эдипово удовлетворение», немедленно выздоравливает.

Неудивительно, что об этой особой форме меланхолии тысячи раз писали в эпоху барокко! Роберт Бёртон посвящает ей значительную часть своей «Анатомии меланхолии»⁵⁴ (1621). Жак Ферран пишет книгу на эту тему⁵⁵. Речь идет о моральном страдании, способном воплощаться, выражаться в ощутимой деформации тела и расстройстве его деятельно-

⁵¹ Galien. Claudii Galeni opera omnia / Éd. par C.G. Kühn. 20 vol. Leipzig, 1821–1833. Vol. VIII. P. 418.

⁵² Rufus d'Éphèse. Œuvres, texte grec et traduction française / Éd. par Ch. Daremberg et Ch.-E. Ruelle. Paris, 1879.

⁵³ Plutarque. Vies des hommes illustres / Trad. française par J. Amyot. 2 vol. Genève, 1604–1610. (Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Пер. С.П. Маркиша, обраб. перевода для наст. переизд. С.С. Аверинцева. Изд. 2-е. М.: Наука, 1994 (Литературные памятники). Т. II. С. 389. – Прим. перев.)

⁵⁴ Burton R. The Anatomy of Melancholy. Oxford, 1621 / Ed. A.R. Shilleto. 3 vol. London, 1893.

⁵⁵ Ferrand J. De la maladie d'amour, ou mélancholie érotique. Discours curieux qui enseigne à cognoistre l'essence, les causes, les signes et les remèdes de ce mal fantastique. Paris, 1623.

сти. Метафора смертоносной любви здесь понимается буквально: воля к смерти патетически побеждает волю к жизни. «Любовная болезнь» есть одна из форм соматической «сверхэкспрессии», когда тело демонстрирует невозможность жить без любимого человека; и хотя этот феномен был известен во все века, его наиболее развитый литературный образ венчает собой только ту культуру, которая в большинстве своих произведений сама прибегает к предельно утрированным формам выразительности.

Гален

В терапевтических предписаниях Галена нет никакого новаторства; обратить на них внимание следует по другой причине: Гален окончательно закрепляет то описание и определение меланхолии, какое будет пользоваться авторитетом вплоть до XVIII века и даже позже⁵⁶. Предложенное им членение ляжет в основу всего, что впоследствии напишут о врачевании этой болезни. Медицинские труды Средневековья, Ренессанса и эпохи барокко по большей части представляют собой лишь старательный парафраз Галена, оживленный разнообразными новыми свидетельствами и обогащенный рядом неизвестных прежде рекомендаций. Уточняются детали и нюансы, но конструкция в целом не меняется: долгое время оригинальностью считалось не опровержение традиционного знания, а его приращение и дополнение. В итоге эту чрезмерно громоздкую постройку уже пора было снести до основания. Однако никому оказалось не под силу сделать это решительно и бесповоротно. Галенова концепция меланхолии не исчезла разом, а разрушалась постепенно.

Согласно Галену, меланхолия безусловно связана с черной желчью: он полностью восстанавливает в правах гуморальную теорию, отвергаемую или оспариваемую различными школами античности. Но избыток черной желчи, возникая и проявляясь в разных частях организма, всякий раз может вызывать новые симптомы.

Во-первых, может случиться так, что изменения в крови затронут только головной мозг: «И происходит это двояким образом – либо меланхолический гумор попадает туда из какого-либо иного места, либо он порождается прямо там. Порождается же он сильным жаром в этом органе, каковой сжигает желтую желчь либо самую густую или самую черную часть крови»⁵⁷.

Во-вторых, черная желчь может распространиться по сосудам на весь организм. В этом случае головной мозг тоже будет поражен, но лишь «как следствие общего заражения». Если кто захочет в этом убедиться, то при кровопускании из руки кровь выходит очень черная и очень густая. Ошибиться невозможно!

Наконец, встречаются случаи, когда «болезнь имеет своим источником желудок». Тогда у больного наблюдается засорение, стаз, запор, вздутие в подреберной области; поэтому данная болезнь именуется «ипохондрическим расстройством»⁵⁸. Она проявляется отрыжкой, приступами жара, замедленным пищеварением, метеоризмом. «Иногда возникают также сильные боли в желудке, отдающие в спину; бывает, что больного рвет горячими кислыми субстанциями, вызывающими раздражение зубов. Пары от вздутого, заполненного черной желчью желудка, поднимаясь к головному мозгу, вызывают помутнение ума и симптомы меланхолии». То есть, согласно классическому определению, ипохондрия – это органическая болезнь верхней абдоминальной области, где скапливается излишек черной желчи и откуда ядовитые испарения поднимаются к мозгу. В нозографии XVIII – начала XIX века (Буассье де Соваж, Каллен, Пинель) ипохондрия по-прежнему описывается как сочетание реальных расстройств пищеварения со стойкой и преувеличенной озабоченностью больного своим здоровьем. Последняя

---

⁵⁶ Des lieux affectés. III, IX // Œuvres de Galien. Единственное полное издание греческого текста подготовлено К.-Г. Кюном: Claudii Galeni opera omnia / Editionem curavit C.G. Kühn. 20 vol. Leipzig, 1821–1833.

⁵⁷ Ibid. P. 563.

⁵⁸ Подреберная область – по-гречески ὑποχόνδριον. – Прим. перев.

составляющая, служившая ранее лишь второстепенным симптомом, в итоге превратится в центральный, основополагающий признак.

Гален весьма красноречиво отстаивает теорию «паров»: поднимающимися из желудка испарениями объясняются у него не только мрачные мысли, но и некоторые галлюцинации; они помутняют ум, приводят к эндогенным видениям, аналогичным энтоптическим явлениям:

Лучшие врачи единодушно утверждают, что не только подобные расстройства, но и эпилепсия ударяет в голову, восходя из желудка. Меланхоликов постоянно мучают страхи; но предстающие им фантастические картины не всегда имеют одну и ту же форму. Так, один из них воображал, будто сделан из ракушек, и вследствие того избегал встречных, боясь, как бы его не разбили... Другой страшился, что Атлас, устав нести на своих плечах бремя небесного свода, сбросит груз и будет раздавлен его тяжестью, а заодно погубит всех нас... Между меланхоликами существуют различия. Все они одержимы страхом и печалью, но не все хотят умереть. Напротив, есть среди них такие, у кого самая сущность меланхолии состоит в страхе смерти. Другие покажутся вам чужаками, они боятся смерти и в то же время желают ее... Подобно тому как темнота на улице пугает почти всех людей... так же и цвет черной желчи, затемняя, подобно мраку, вместилище разума, порождает страх⁵⁹.

Таким образом, можно выделить три отличных друг от друга вида меланхолии:

1. Меланхолическое расстройство, локализованное в головном мозге.
2. Общее расстройство организма, когда черная желчь попадает в кровь и разносится по всем сосудам, в том числе сосудам головного мозга.
3. Меланхолическое расстройство, первоисточник которого расположен в желудке и органах пищеварения, – ипохондрия, поражающая головной мозг посредством паров.

Еще Бёртон в 1621 году будет строго следовать этой классификации, добавив к ней любовную меланхолию (также известную Галену) и более новую болезнь – меланхолию религиозную. А Бёртон – лишь один из «ученых» среди множества прочих.

Из этой дифференциации естественно вытекают и правила лечения. Бесполезно воздействовать на желудок, если очаг болезни – голова; если же поражен организм в целом, то можно ли пренебрегать кровопусканиями и ваннами?

Я хочу привести следующий факт, свидетелями которого были мои друзья: я излечивал подобную меланхолию, не прибегая к иным лекарствам, кроме многочисленных ванн и режима питания и влажности, когда докучливый гумор, не успев слишком застояться, легко поддавался выведению⁶⁰.

Если же болезнь застарелая, ее лечение сопряжено с большими трудностями. Конечно, нужно соблюдать еще более строгую диету, полностью отказаться от употребления *черного* мяса (мяса козы, быка, козла, буйвола, осла, верблюда, зайца, кабана, лисы, собаки и т. п.); следует избегать капусты, чечевицы, хлеба из отрубей, густых и черных вин, старых сыров. Здесь во всех подробностях развивается интуитивная качественная гипотеза, согласно которой в болезни повинны пагубные силы всего *черного* и *горького*. Темные и «крепкие» виды пищи – предвестники той черной эманации, что затемняет наши умы. Подобная пища изначально несет в себе печаль и страх. Употреблять следует пищу веселую, светлую, молодую, нежную, обильную благодетельной влажностью.

---

⁵⁹ Galien. Des lieux affectés. III, IX // Œuvres de Galien. P. 568–569.

⁶⁰ Ibid. P. 570.

Если бы меланхолия проистекала только от «меланхогенной» пищи, от нее легко было бы избавиться и предохраниться. Но существует и другая опасность: патологическая черная желчь есть продукт горения, разновидность густой смолы, которая в свой черед может воспламениться. Это гуморальный уголь. Насколько же токсична, агрессивна, разрушительна субстанция, если она способна к *вторичному возгоранию*! Причем вследствие первичного воспламенения все природные субстанции могут превратиться в «спекшиеся» гуморы – спекшуюся желчь, спекшуюся кровь – и включиться в опасный метаболизм черноты. Черная желчь есть вязкая смола, которая, сгорая, оставляет по себе еще более темный и густой осадок: тяжелую материю, помрачающую рассунок.

Помощь философа

Все рассмотренные нами медицинские учения рекомендуют почти исключительно соматическое лечение меланхолии. В их число можно включить и авторов, писавших после Галена: Александра Тралльского⁶¹, Орибасия⁶², Павла Эгинского⁶³, Аэция из Амиды⁶⁴. Все они, как мы видели, знают, что меланхолия может иметь нравственный источник; известно им и значение некоторых психологических методов: пребывания в проветренном, не слишком солнечном и не слишком темном помещении, отвлекающих мер, развлечений, умеренной активности, утешения, принесенного удовлетворенным мелким тщеславием, изоляции от предметов и людей, которые могут вызвать огорчение. Но меланхолия уже по своему определению предполагает физическое расстройство и требует лечения, направленного в первую очередь на телесные нарушения. Подобный диагноз ставился, скорее всего, когда имело место достаточно выраженное общее недомогание и пациент явно выглядел тяжелобольным, которому требуется срочная медицинская помощь. В сомнительных же случаях врач имел возможность устраниваться. Подобно тому как в наши дни терапевт направляет некоторых пациентов к психологу или священнику, античный лекарь был вправе отослать тех, кто не имел серьезных и видимых телесных повреждений, к Асклепию⁶⁵ или к философам⁶⁶. Конечно, предполагается, что врач по-прежнему предписывает больному режим, определяет ежедневный распорядок ванн и упражнений; но унимать грусть и тревогу – постольку, поскольку речь идет не об органическом заболевании, – не его обязанность. Каков предел, за которым начинается подлинное меланхолическое расстройство, то есть безумие? Каковы симптомы, при которых необходимо прибегнуть к чемерице? Античный врач задавался этим вопросом, затрагивающим само определение болезненного состояния. Хороший медик, взявший на вооружение науку, вправе принять решение: он отделяет болезнь от того, что болезнью не является, и тем самым порой вступает в противоречие с общественным мнением. Он может объявить человека в здравом уме, когда глупая публика считает его больным. И наоборот.

Нет ничего более познавательного в этом смысле, чем «Письма», приписываемые Гиппократу⁶⁷. Безусловно, эти позднейшие тексты являются апокрифическими, но неаутентичный характер отнюдь не умаляет их показательности... Абдериты пригласили великого врача для

⁶¹ Alexander Trallianus. Libri duodecim. Bâle, 1556.

⁶² Oribase. Œuvres d'Oribase / Texte grec et trad. française, éd. par C. Bussemaker et Ch. Daremberg. 6 vol. Paris, 1851–1876.

⁶³ Paul d'Égine. Pragmateia / Éd. par J.L. Heiberg // Corpus medicorum Graecorum. IX, 1, 2. Leipzig – Berlin, 1921–1924.

⁶⁴ Aetius Amidenus. De melancholia // Claudii Galeni opera omnia / Éd. par C.G. Kühn. Vol. XIX. Leipzig, 1830. P. 699–720.

⁶⁵ О культе Асклепия см. книгу: Edelstein E. Jeannette, Edelstein L. Asclepius. A Collection and Interpretation of the Testimonies. 2 vol. Baltimore, 1945–1946.

⁶⁶ У Целия Аврелиана (Caelius Aurelianus. De morbis acutis et chronicis. P. 550–551) философские беседы рекомендуются выздоравливающему от мании: «И если ему хочется присутствовать при философских диспутах, следует рекомендовать их ему. Философы речами своими помогают изгнать страх, печаль и гнев, что весьма полезно для тела».

⁶⁷ Œuvres complètes d'Hippocrate. Vol. IX.

лечения одного из самых знаменитых своих сограждан – философа Демокрита, лишившегося рассудка. Гиппократ, приехав, готовится начать лечение чемерицей. Но, как хороший клиницист, просит разрешения сперва поговорить с пациентом. Демокрита он находит в саду; тот погружен в изучение анатомии. Они ведут беседы о самых сложных проблемах физики и философии. Гиппократ не нуждается в дополнительных доказательствах полного душевного здоровья собеседника, которого считают безумным только потому, что не понимают. Если кто и безумен, то скорее сами абдериты. Прибытие врача расставило все по местам: его решение, его взгляд перевернули ситуацию. Народ видел в Демокрите больного; но в действительности, то есть согласно медицинскому суждению, имеющему в этой области силу закона, пресловутый безумец – единственный полностью разумный человек. Лечить стоило бы народ – при условии, что достанет чемерицы и народ признает свою неправоту. Роберт Бёртон напишет длинный комментарий к этой истории; Лафонтен сделает ее сюжетом одной из своих басен⁶⁸.

Римлянин эпохи Империи, если только у него хватало средств, находил себе врача и ежедневно консультировался с ним. С современной точки зрения это говорит о не менее обостренной склонности к ипохондрии, нежели та, что получила невиданное развитие под влиянием современной цивилизации. Но при некоторых состояниях, связанных с подавленностью и тревогой, человек Античности обращался не к врачу. Иногда он прибегал к мистериальным культам⁶⁹, а иногда – к философу.

Если и есть в Античности психотерапия депрессивных состояний, то мы найдем ее в сочинениях философов – в форме нравственных наставлений или «утешений». Что такое большинство писем и моральных трактатов Сенеки, если не консультации психолога, которые он дает по весьма настоятельной просьбе встревоженного друга? Конечно, у «пациентов» Сенеки мы не найдем выраженного психоза: он щедро раздает свои советы людям с «мелкими тревогами», невротикам, людям с неустойчивой психикой – то есть тем, кто в наши дни прибегнул бы к помощи психоаналитика. Он предоставляет «поддерживающую терапию» людям, живущим под грозным взором Нерона... *Tedium vitae* и *nausea*, на которые жалуется Сенеке некий Квинт Серен, на взгляд современной медицины, свидетельствуют скорее о депрессии невротического типа, нежели об эндогенной меланхолии: он спрашивает совета, как прекратить тревожную неустойчивость духа, от которой ему не удастся отделаться. И Сенека в ответ дает прекрасный анализ скуки, о котором впоследствии вспомнит Бодлер:

Болезнь, подтачивающая нас, не в местах, где мы находимся, но в нас самих; мы не в силах переносить что бы то ни было, неспособны терпеть боль, бессильны наслаждаться удовольствием, вечно нетерпеливы. Сколько людей призывают смерть, когда, испробовав все перемены, возвращаются все к тем же ощущениям, неспособные испытать ничего нового, и в самый разгар услад восклицают: Как! вечно одно и то же!⁷⁰

Как избавиться от этого отвращения и беспокойства? Следует ли подчиниться требованиям самой суровой и строгой добродетели? Настроить волю на героическую борьбу? Сенека таких высот не требует. Его слова адресованы не мудрецу, счастливому и способному на великие деяния. Он хочет, чтобы его услышал, чтобы за ним последовал обычный человек, чья неуверенность и слабость ему известны заранее. Его советы по плечу каждому: научиться чередовать усилия и отдых, одиночество и беседы; не сосредоточиваться постоянно и напряженно

⁶⁸ *La Fontaine J. de. Fables. Livre VIII, 26: «Démocrite et les Abdéritains».*

⁶⁹ *Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Berkeley – Cambridge, 1951.*

⁷⁰ *Sénèque. De tranquillitate animi, II. (Трактат «О безмятежности духа» Луция Аннея Сенеки / Вступит. статья и перевод Г. Ткаченко // Труды кафедры древних языков. Вып. 1. СПб., 2000. С. 161–200. – Прим. перев.) Мы цитируем перевод Бриера де Буамона из его книги «О самоубийстве» (1865). Бодлер внимательно читал главу о скуке, выпущенную отдельным изданием в 1850 году. См.: Fusées, XIV // Baudelaire Ch. Journaux intimes / Éd. par J. Crépet et G. Blin. Paris, 1949.*

на одном объекте; выделять определенные часы на игры и развлечения; не забывать, что тело нуждается в сне, и выделять ему разумную порцию сна, без излишеств, но и без скарденности. Следует также разнообразить жизнь прогулками и путешествиями. Иногда освобождение дарует вино, при условии что человек не переходит порога веселого опьянения. (Как мы видим, философ позволяет удовольствия, которые врач чаще всего запрещает.)

Беспокойным метаниям несчастной души, которая всюду чувствует себя плохо, Сенека противопоставляет идеал подвижной и разнообразной жизни, где человек дает себе право по своему усмотрению чередовать удовольствия и дела, следуя при этом основополагающим ритмам природы. На первый взгляд позиция стойка, ратующего за отдых и расслабление, выглядит удивительной; но система стоической философии не одобряет напряжения, превосходящего закон природы. Следовательно, Квинт Серен не должен стремиться к слишком высокому совершенству. В своем ответе собеседнику, озабоченному идеалом недостижимо чистой и деятельной гражданственности, Сенека облегчает и смягчает картину его истинных обязанностей. Пытаясь утешить встревоженного друга, он снижает излишне категоричные требования терзающего его нравственного сознания (или «сверх-Я»). Безмятежность души не есть неподвижная, застывшая мудрость; это свободное, незатрудненное движение, не ведающее конфликта и запальчивости⁷¹.

Гёте преподносит нам тот же урок, что и Сенека. Рассуждая в «Поэзии и правде» об обстоятельствах и культурном климате, которые подтолкнули его к созданию «Вертера», он анализирует «отвращение к жизни» и определяет его как недостаток сопричастности природным ритмам:

Все приятное в жизни основывается на правильном чередовании явлений внешнего мира. Смена дня и ночи, времен года, цветение и созревание плодов – словом, все, что через определенные промежутки времени возникает перед нами, дабы мы могли и должны были этим наслаждаться, – вот подлинная пружина земной жизни. Чем открытее наши сердца для этого наслаждения, тем счастливее мы себя чувствуем. Но если нескончаемая череда явлений проходит пред нами, мы же от нее открепиваемся и остаемся глухи к сладостным зазываниям, тогда приходит зло, тягчайшая болезнь вступает в свои права и жизнь представляется нам непосильным бременем⁷².

А тем, кто обладает даром стихотворства, избавление дарует поэзия.

---

⁷¹ В более близкие нам времена совершенный пример «философской психотерапии» дает переписка Декарта с принцессой Елизаветой. А Кант в «Споре факультетов» расскажет, как он стал сам себе врачом: приступы тревоги перестали его беспокоить в тот самый момент, когда он убедил себя, что единственной их причиной была его слишком узкая грудная клетка.

⁷² Гёте И.-В. Поэзия и правда. Ч. III. Кн. 13 / Пер. Н.А. Холодковского // Гёте И.-В. Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. III. С. 127. – Прим. перев.

Сила традиции

Грех уныния (*acedia*)

Античный лекарь врачует телесную «страсть»; философ стремится излечить «болезни» души. Сходство их целей весьма велико и оправдывает сознательную или бессознательную лексическую путаницу. Каковы бы ни были истоки печальной депрессии, она нуждается во врачевании – словом, лекарством, распорядком дня.

В христианском мире различие между душевной и телесной болезнью становится бесконечно более важным. Душевная болезнь, если воля дала на нее согласие, считается грехом и навлекает на человека божественное возмездие, тогда как болезнь телесная не только не влечет за собой кары свыше, но и является испытанием и заслугой. Выяснить, имеем ли мы дело с первой или со второй, не всегда легко. И особенно щекотливую проблему представляют собой депрессивные расстройства. Отцам церкви не раз приходилось решать такие вопросы: идет ли речь о меланхолии как заболевании, нуждающемся в медицинском вмешательстве⁷³? Или же это грех уныния? Приступ *acedia*? И действительно ли *acedia* греховна?

Прежде всего следует выяснить, что такое *acedia*. Это вялость, заторможенность, безынициативность, утрата всякой надежды на спасение. Некоторые описывают уныние как печаль, отнимающую у человека дар речи, как душевную афонию, настоящее «угасание голоса» души. Оно лишает нас способности говорить и молиться⁷⁴. Внутреннее существо замыкается в немоте и отказывается сообщаться с внешним миром (Кьеркегор будет говорить о «герметизме»). Тем самым диалог с другим и с Богом иссыкает, высыхает в самом своем истоке. Рот человека, пораженного *acedia*, заткнут кляпом. Человек словно бы заглотнул и сожрал собственный язык: он лишен речи. Но если он согласен с этим, если душа его находит в этом удовольствие, если подобная вялость, возможно навязанная телом, получает одобрение у порочной воли, тогда это смертный грех. *Accidiosi*, унывающих, мы обнаруживаем в Дантовом аду, по соседству с гневными холериками, чья кара – вечная агрессия, обращенная на себя самих. *Accidiosi* погружены в громадную трясиину и не издают никаких звуков, кроме невнятного бульканья. Вместо речи они только урчат и бурчат. Духовная афония, невозможность выразить себя воплощена здесь в сильнейшем аллегорическом образе: *accidiosi* – вялые, тинистые (в самом буквальном смысле слова) и, как следствие, сидят в болотной жиже. Только поэт может расслышать их бесформенное бормотание.

Увязнув в тине, они шептали:

«...В воздухе родимом,
Который блещет, солнцу веселясь,
Мы были скучны, полны вялым дымом;
И вот скучаем, втиснутые в грязь».
Такую песнь у них курлычет горло,
Напрасно слово вымолвить трудясь⁷⁵.

---

⁷³ Св. Иероним, письмо 95, *Ad Rusticum*; письмо 97, *Ad Demetriadem*.

⁷⁴ Наше описание *acedia* основывается на определениях, которые дает Иоанн Кассиан в «*De institutis coenobiorum*» (кн. IX, *De spiritu tristitiae*; кн. X, *De spiritu acediae*): *Jean Cassien. De institutis coenobiorum*. Migne, PL. Vol. IL et L.

⁷⁵ *Данте*. Ад. Песнь VII, ст. 121–126 (пер. М. Лозинского). – *Прим. перев.*

Acedia поражает избранных жертв: отшельников, затворников, мужчин и женщин, которые посвятили себя монастырской жизни и все мысли которых должны быть направлены к тому «духовному благу», какое отныне кажется им недостижимым. Согласно Кассиану, сердечная тревога и тоска поражает их преимущественно в середине дня, на манер ежедневной лихорадки, которая внезапно начинается в определенный час. То есть это недомогание удивительно похоже на приступы жара при чисто соматической болезни. Но Кассиан склонен полагать, что дело скорее в кознях «полуденного демона», о котором говорится в псалме ХСІ. Его присутствие выражается в параличе любых душевных движений и одновременно – в беспокойной жажде перемены мест и путешествий. Поражая душу жертвы, *acedia* внушает ей омерзение к месту, где она находится, отвращение к своей келье, презрение к сотоварищам. Всякое духовное усилие кажется человеку тщетным, по крайней мере пока он пребывает именно здесь. Он охвачен желанием удалиться, искать спасения в другом монастыре, в окружении других братьев. Он озирается в надежде, что кто-нибудь придет его проведать, и тяжело вздыхает, видя, что вокруг по-прежнему никого нет; он постоянно выглядывает из кельи, каждую минуту смотрит на солнце, словно то опаздывает с закатом; и в этом неразумном помутнении духа, как если бы землю накрыли сумерки, он становится празден, опустошается душой от всего благочестивого, а лекарства от этого духовного гнета ждет лишь от прихода кого-либо из братьев либо ищет утешения в снах... «Мне безмерно скучно», – скажет свинья святого Антония у Флобера⁷⁶. (Свинья – символ вожелений плоти.)

Вполне очевидно, что перед нами особая форма клаустрофобного невроза или психоза, не имеющая ничего общего с эндогенными депрессиями в нашем понимании. Мы сочли бы подобное состояние своего рода психической декомпенсацией, которая случается у людей, не обладающих необходимой силой, чтобы переносить одиночество. К ней может добавляться преувеличенная озабоченность спасением и проклятием – озабоченность, которая будет составлять сущность «религиозной меланхолии» у авторов эпохи Возрождения и XVII века. Как бы то ни было, начиная со средних веков фигура отшельника почти постоянно присутствует в аллегорических изображениях «меланхолического темперамента» или, что примерно одно и то же, *детей Сатурна*⁷⁷. С одной стороны, меланхолический темперамент предрасполагает к созерцанию и к умственным занятиям: это прежде всего достоинство, а не недуг; но с другой – его благотворное влияние несет в себе опасность, ибо созерцатель подвержен пагубному действию *acedia*; большинство средневековых художников связывают символику уныния с мрачной черной желчью, вопреки богословским разграничениям греха и телесной болезни.

Отшельник нередко изображается за занятиями ручным трудом, например за плетением ивовых корзин. Этот образ не случаен, за ним стоит типичное явление. В самом деле, труд есть главное средство, предлагавшееся отцами церкви для борьбы с меланхолией одинокой жизни. «Молитесь и трудитесь!» Одинокий монах должен отвлекаться от молитвы только ради ручного труда. Такова, согласно Кассиану, единственно действенная терапия печали и *acedia*: всеми силами противьтесь искушению бежать вдаль, сопротивляйтесь, не сходя с места, будьте недвижны и стойки, старайтесь находить занятия своему телу, утомлять его. Здесь, как позднее у Петрарки⁷⁸, возникает метафора осажденной крепости. *Acedia* окружает, берет в кольцо, намереваясь одолеть вас и уничтожить. Тщетно пытаться избежать уныния, отворачиваться от него: это значило бы уступить ему победу. Истинный «атлет Христов» мужественно вступает с ним в единоборство. Кассиан с восхищением описывает любопытный пример: один египет-

⁷⁶ Flaubert G. La Tentation de saint Antoine (1874) // Œuvres complètes. Vol. III. Paris, 1924.

⁷⁷ О средневековых изображениях меланхолии см. важную работу Эрвина Пановского и Фрица Закля: Panofsky E., Saxl F. Dürers «Melencolia I». Leipzig, 1923.

⁷⁸ Pétrarque. Secretum (= De secreto conflictu curarum suarum). S. 1, 1489.

ский отшельник каждый год сжигал плоды своего труда, дабы постоянно иметь новое занятие, коему следует предаваться с усердием. Разумеется, излишки такой работы можно при случае раздавать как милостыню беднякам и узникам. Но даже когда плоды труда некуда употребить, праздности предаваться нельзя. Для отцов церкви важна отнюдь не экономическая выгода от труда, но его терапевтическое значение и выгода духовная, извлекаемая человеком, который ему предается. Трудолюбие избавляет от преследований скуки, от головокружительно пустого, ничем не заполненного времени, помогает противиться искушениям греховной праздности. Ибо важно не то, что труд производит, преобразуя природу, а то, что тяжкий труд позволяет человеку от себя оттолкнуть. Труд – благо не потому, что он меняет мир, а потому, что он есть отрицание праздности. *Acedia* же развивается в порочном круге безделья. Уныние проистекает из праздности и усиливает ее, парализуя всякую духовную деятельность. Оно – наваждение праздности, которая все глубже вязнет сама в себе. Можно сказать, что труд – по сравнению с созерцанием, молитвой, мыслями о спасении – есть способ отвлечься и развлечься. Но он также служит средством закрепиться там, откуда нас гонит уныние, соблазняя обманчивой далью. В самом деле, труд имеет целью полностью занять то время, какое не может быть отдано молитве и благочестивым деяниям. Его функция – законопатить щели, через которые может проникнуть демон или просочиться праздная мысль. Тем самым мечтания, грозившие человеку бродяжничеством и грехом, поглощаются деятельностью, привязанной к данному месту, и замыкаются в ней: происходит спасительное укоренение. Труд направляет энергию, которая в противном случае расплылась бы по всем ветрам, поддавшись всевозможным искушениям, в конкретное и безгрешное русло. Труд прерывает головокружительный диалог сознания с собственной пустотой, создает преграды, препятствия, сталкиваясь с которыми душа может забыть свою неудовлетворенность; он закрепляет ее *здесь*, тогда как *acedia* пела бы ей хвалу иллюзорному «далеко».

«Не будьте одиноки, не будьте праздны»: к такому выводу приходит Роберт Бёртон в конце главы о врачевании религиозной меланхолии⁷⁹. Однако к духовным средствам, к труду добавляется весьма обширный список средств «физических», а на деле – магических или астрологических. Предосторожности лишними не бывают: когда в дело вступает демон, его нужно изгонять любыми способами. Даже если налицо клинические симптомы меланхолии, нельзя считать, что человек не подвержен проискам адских духов: ибо «дьявол орудует через гуморы, и смешанные болезни следует врачевать смешанными лекарствами»⁸⁰. Следовательно, вполне уместно предохраняться одновременно и от черной желчи, и от Нечистого. *Melancholia balneum Diaboli*⁸¹. А значит, нужно пользоваться амулетами, травами, камнями, рекомендованными добрыми авторами: таковы сапфиры, хризолиты, рубины, рута, мята, дягиль, пион, зверобой, а также буковица, при условии что она выросла на кладбище, уточняет Бёртон.

«Но надо возделывать свой сад»: совет Кандида есть лишь секуляризованная версия предписаний Кассиана. Когда на смену *acedia* пришла скука (или сплин), лечение осталось прежним. Свифт, прекрасно разбиравшийся в богословии, упоминает подобную терапию в «Путешествии Гулливера». Именно к ней прибегает один из гуингнмов для лечения еху:

... Иногда еху приходит фантазия забиться в угол, лечь на землю, выть, стонать и гнать от себя каждого, кто подойдет, несмотря на то что такие еху молоды, упитанны и не нуждаются ни в пище, ни в питье; слуги никак не могут взять в толк, что с ними такое. Единственным лекарством против этого недуга является тяжелая работа, которая неизменно приводит пораженного им еху в нормальное состояние. На этот рассказ я ответил молчанием из любви к

⁷⁹ *Burton R. The Anatomy of Melancholy.*

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ Меланхолия – купальня дьявола (*лат.*). – *Прим. ред.*

моим соотечественникам, хотя для меня очевидно, что описанное состояние есть зачаток хандры – болезни, которою страдают обыкновенно только лентяи, сластолюбцы и богачи и от которой я взялся бы их вылечить, подвергнув режиму, применяемому в таких случаях гуингнмами⁸².

Перед нами прообраз всех видов «трудотерапии». Однако к этим обязательным работам принуждают без всякой жалости. Депрессивное состояние считается следствием греховной жизни и едва ли не карой за нее. Болезнь есть искупление греха (об этом будет писать еще Хайнрот в начале XIX века). Гнев и ирония Свифта обличают сплин как гротескное следствие безнравственной праздности. Лекарство от нее – исправительный, карающий труд.

Хильдегарда Бингенская

Средневековые авторы нередко связывают гуморальную меланхолию (и другие болезни) с первородным грехом. Для Хильдегарды Бингенской это бесспорная истина:

В тот момент, когда Адам ослушался божественного веления, в тот самый миг меланхолия свернулась в крови его, подобно тому как свет исчезает, когда гаснет огонь, а горячая еще пакля производит зловонный дым. Так случилось и с Адамом, ибо когда огонь в нем погас, меланхолия свернулась в крови его, и от того поднялись в нем печаль и отчаяние; и когда пал Адам, дьявол вдохнул в него меланхолию, каковая делает человека теплохладным и безбожным⁸³.

По счастью, существуют лекарства, указанные самим Богом и дарованные нам природой: чаще всего это лекарственные травы, иногда животные или камни. Против недугов, насылаемых дьяволом, есть травы и препараты. Хильдегарда любезно делится с нами своими познаниями. Так, при болезнях головы, вызванных меланхолической лихорадкой, ничего нет лучше смеси шалфея, мальвы, оливкового масла и уксуса, которой следует умастить и покрыть болящий череп. «Ибо сок мальвы растворяет меланхолию, сок шалфея высушивает ее, оливковое масло утоляет усталость больной головы, а уксус извлекает болезнетворный шип меланхолии». Есть и другие лекарства: птичье мясо, легкое лебеда⁸⁴...

Средневековые вышивают по канве медицинского знания древних, известного ему открыто и косвенно, свои богословские толкования, выстраивая сеть соответствий и космических аналогий. Средневековые авторы предлагают тысячи рецептов, похваляясь тем, что им ведом очень древний секрет весьма отдаленного происхождения, иногда арабского или восточного; превозносят лекарства, чья сила якобы проистекает то из редких ингредиентов, то из сказочных познаний их создателя, то из особого благоволения местного святого. Наконец, есть травы, чья добрая репутация зиждется на повседневном чуде – на том, что они растут в нашем саду, прямо под рукой. В некоторых случаях за лечение меланхоликов берется хирург: по аналогии с героическим врачеванием эпилепсии⁸⁵ он прибегает к трепанации черепа, дабы черные пары желчи могли выветриться через просверленное отверстие. Унаследованные от Античности процедуры усложняются некоторыми магическими или астрологическими добавками. Кровопускание – дело непростое. Поскольку каждая часть организма зависит от одного из двенадцати знаков зодиака, выбор вены для вскрытия требует консультаций с небесами;

---

⁸² Swift J. Gulliver's Travels. London, 1726. (*Свифт Дж.* Путешествие Гулливера / Пер. А.А. Франковского. Ч. IV. Гл. 7. – Прим. перев.)

⁸³ Hildegardis de Bingen. Hildegardis causae et curae / Éd. par P. Kaiser. Leipzig, 1903. P. 143.

⁸⁴ Ibid. Subtilitates. Migne, PL. Vol. CXC VII, VI, 2–5.

⁸⁵ Renzi S. de. Collectio Salemitana. 5 vol. Naples, 1852–1859. Vol. II. P. 698.

кроме того, нужно учитывать фазы Луны. Определиться с ними поможет дисковый календарь, *volve*; ошибка чревата самыми серьезными последствиями⁸⁶.

Таким образом, в средние века всякий медицинский авторитет основан на античных учениях; однако к ним добавляются варианты, комментарии, умозрительные построения, имеющие целью усилить связность и симметричность космоса: его хотят заполнить целиком, без пробелов. Весьма заманчивые, но не поддающиеся проверке утверждения выдаются за осязаемую истину с единственным намерением – подкрепить аналогии между микрокосмом и макрокосмом⁸⁷. Эта фантастическая теоретическая конструкция обретет завершенность позже, в эпоху Возрождения; именно тогда ее текстура достигнет наибольшей плотности и все явления природного мира будут соотноситься друг с другом в полифонии воображаемых соответствий.

Константин Африканский

С другой стороны, не следует забывать, что Средневековье – эпоха «общих мест», *topoi*, то есть тем и мотивов, переходящих от автора к автору⁸⁸. Листая средневековые тексты в поисках сведений о лечении меланхолии, мы, к своему удивлению, обнаружим не только единый гуморальный подход, но и одинаковое членение материала, рецепты, без всяких изменений кочующие из текста в текст, и даже одни и те же неизменные исторические примеры. Редко найдется здесь какая-либо существенная идея, не восходящая к античности.

Рассмотрим в качестве образца текст, интересный тем, что в нем античная традиция, обогащенная арабскими заимствованиями, по-видимому, впервые была пересажена на новую почву. Я имею в виду «О меланхолии» (*De melancholia*) Константина Африканского⁸⁹. В тексте этом, внятном и увлекательном, нет магических и демонологических наслоений, которые в большом количестве появятся позднее. Он служит весьма ценным связующим звеном между поздней Античностью и христианским Средневековьем.

Первая его часть посвящена описанию, симптомам, причинам и классификации различных типов меланхолических расстройств; во второй части, занимающей не менее девяти с половиной страниц ин-фолио в большом базельском издании, Константин Африканский излагает свои терапевтические предписания.

Меланхолия в значительной мере зависит от того, какой образ жизни мы ведем. Константин провел конец жизни в Монтекассино и прекрасно знал, что развитию этой болезни способствуют некоторые умственные усилия: меланхолия поражает в основном священнослужителей и людей одиноких – «по причине их ученых разысканий, утомления памяти, беспокойства, какое вызывает у них умственная слабость». Для излечения меланхолии недостаточно только прописать лекарства: следует также перестроить образ жизни пациента. *Pharmacia* должна идти рука об руку с исправлением и упорядочением «шести необходимых вещей» (именуемых также «шестью неприродными вещами»), а именно:

- 1) воздуха,
- 2) еды и питья,
- 3) задержания и опорожнения,
- 4) деятельности и отдыха,
- 5) сна и бодрствования,
- 6) страстей души.

⁸⁶ *Bober H.* The zodiacal miniature of the *Très Riches Heures* of the Duke of Berry. Its sources and meaning // *J. Warburg Courtauld Inst.*, 11, 1. 1948.

⁸⁷ *Saxl F.* Lectures. 2 vol. London, 1957. Vol. I. P. 58 sq.

⁸⁸ Об «общих местах» в средневековой литературе см.: *Curtius E.R.* *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 1e éd. Berne, 1948 (2e éd. – 1954).

⁸⁹ *Constantinus Africanus.* Opera. 2 vol. Bâle, 1536–1539. P. 283–298.

При опасной меланхолии, угрожающей разуму, собственно лечению должен предшествовать подготовительный период, когда врач займется самым неотложным, то есть постарается снять наиболее острые симптомы; затем следует перейти к тщательному изгнанию из организма «порченных веществ» и очистке тех телесных органов, где они скопились. Иными словами, нужно незамедлительно бороться с «грозными проявлениями» меланхолии и пытаться их купировать. Ложные подозрения, извращенное воображение мы будем понемногу рассеивать разумными и приятными словами; для изгнания идей, «внедрившихся» в разум больного, прибегнем к разнообразной музыке (*cum diversa musica*) и к светлому вину с легким букетом (*cum vino odorifero claro, et subtilissimo*). Затем, если болезнь локализована в голове, выбреем череп пациента и будем делать примочки из молока женщины или ослицы. Не забудем прочистить головной мозг с помощью чихательных средств; для этой цели также годится женское молоко. Лечение головы нельзя пренебрегать никогда, даже если недуг гнездится в подреберье: он всегда поднимается к верхним частям тела. При ипохондрической форме болезни следует улучшить питание и обеспечить правильное пищеварение. Поскольку меланхолический гумор сухой и холодный, прописывать нужно влажные и теплые блюда: свежую рыбу, зрелые фрукты, ягнятину, цыплят, мясо различных животных женского пола и т. д. Как и у Галена, больному будет противопоказано старое и тяжелое мясо, тунец, мясо кита; все бобовые также будут считаться вредными, ибо они усиливают метеоризм. Весьма показано легкое купажированное вино: своим нежным теплом оно возвеселяет душу. Дом должен быть по возможности повернут к рассвету и продуваем восточным ветром. Очень полезны теплые ванны; летом можно наливать холодную воду. Отлично помогают легкие физические упражнения, особенно прогулка на заре по сухим и благоухающим местам – благодаря им тело укрепляется и лучше изгоняет из себя подлежащие выведению излишки: кал, моча, пот выходят легче. Если упражнение вызывает некоторую усталость, ее снимет горячая ванна; затем тело следует умастить теплыми и влажными мазями. В связи с проблемой задержания и опорожнения Константин рассматривает всевозможные очистительные средства. Коитус – также одна из форм опорожнения: его Константин рекомендует со ссылкой на Руфа Эфесского. Разве мы не видим, как весьма строптивые животные после спаривания становятся ласковыми и покладистыми? Полезно также много спать. В случае стойкой бессонницы навевать сон помогут массажи, ножные ванны, растирание черепа. А главное, болезнь следует лечить в начальной стадии, ибо если позволить черной желчи скопиться за время долгой болезни, она станет субстанцией трудновыводимой, густым осадком, плотным и тяжелым загрязняющим веществом. Хронические формы меланхолии, не поддающиеся лечению, вызываются учеными занятиями, тревогодием, испорченной пищей.

Все рекомендуемые лекарства предназначены для выведения, переваривания или растворения черной желчи: сиропы и сложные отвары обязаны своим действием в первую очередь наличию в них чемерицы, скаммония, кассии, горькой тыквы, ревеня, с добавками ароматических трав, терминалии цитрины, миндаля, фисташек. Вот один из рецептов Константина Африканского; стоит отметить, что его предлагается использовать в лечении весьма разнообразных заболеваний, проистекающих из едкой силы черной желчи:

Действенный отвар для выведения черной желчи, для меланхоликов, больных лишаем, чесоткой, раком, для эпилептиков, чья болезнь вызвана черной желчью:

Тмин, шафран, черная и белая чемерица

в равных количествах.....50 драхм

Горячая вода.....10 фунтов.

Вскипятить, уварить на треть, процедить, вылить в котелок, добавить непрозрачный сахар, вино с пряностями, всего 7 фунтов.

Варить, снять пену, дабы жидкость имела приятный вид.

Давать пить по пять унций с небольшим количеством миндального масла. Если у больного запор, добавлять щепотку скаммония.

Если убрать чемерицу, то перед нами рецепт отличного аперитива.

Эпоха Возрождения

Ренессанс – золотой век меланхолии. Под влиянием Марсилио Фичино и флорентийских платоников меланхолический темперамент предстает почти исключительным уделом поэта, художника, великого государя, а главное – истинного философа⁹⁰. Фичино, сам страдавший меланхолией и к тому же рожденный под знаком Сатурна, разработал в своем трактате «De vita» целое искусство жизни, предназначенное для человека умственных занятий. Он учит пользоваться благотворным влиянием меланхолии и избегать опасностей, постоянно сопровождающих ее. Подробнее мы рассмотрим учение Марсилио Фичино в главе, посвященной врачеванию меланхолии музыкой.

У некоторых смелых новаторов, например у Парацельса, проступают контуры терапии, влияющей непосредственно на разум⁹¹. Для лечения меланхолических состояний он прибегает не к выведению черной желчи, но к «медикаментам, вызывающим смех»; если же вызванный ими смех избыточен, лекарь восстановит равновесие, назначив «лекарства, вызывающие печаль». Тот, кто желает достичь подобного эффекта, должен, разумеется, призвать на помощь всю силу *quintae essentiae*. Вот приведенный Парацельсом список препаратов, которые «возвешеляют настроение, изгоняют всякую грусть, избавляют разум от печали и позволяют ему свободно двигаться вперед»:

aurum potabile	cordiale grave	manna maris
ambra acuata	croci magisterium	laetitia veneris

«Спагирические» лекарства Парацельса якобы обладают силой, которую сегодня мы бы назвали «психофармакологической». Однако от желаемого до действительного эффекта – дистанция огромного размера.

Большинство других врачей с куда большим почтением относятся к традиционным авторитетам. Если мы откроем, например, труд, увидевший свет без малого через пять столетий по смерти Константина Африканского, – «Рассуждение» Андре Дю Лорана (в латинском варианте – Андреаса Лаурентиуса), мы обнаружим лишь античное учение в расширенном виде, без каких-либо коренных изменений⁹². Дю Лоран, лейб-медик Генриха IV, – человек весьма обра-

---

⁹⁰ О Марсилио Фичино и влиянии его учения см.: *Marcel R. Marsile Ficin*. Paris, 1956; *Chastel A. Marsile Ficin et l'art*. Genève, 1954; *Walker D.P. Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella*. London, 1958; *Kristeller P.O. The Philosophy of Marsilio Ficino / Engl. trans. by V. Conant*. New York, 1943. Полное собрание сочинений Марсилио Фичино (в двух томах) было опубликовано в Базеле в 1576 году. За более подробным изложением читатель может обратиться к обширному труду: *Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science*. 8 vol. New York, 1923–1958. См. также: *Panofsky E., Saxl F. Dürers «Melencolia I»*. Leipzig, 1923.

⁹¹ *Paracelsus, Theophrastus*. Von den Krankheiten, die der Vernunft berauben // *Sämtliche Werke / Hrsg. K. Sudhoff*. Munich – Berlin, 1930. 1re part. Vol. II. S. 452.

⁹² *Du Laurens A. Discours de la conservation de la veue; des maladies melancholiques; des catarrhes; et de la vieillesse*. Paris, 1597. Английский перевод см.: *Surphlet R. A Discourse of the Preservation of the Sight; of Melancholike Diseases; of Rheumes and of Old Age*. London, 1599. Shakespeare Association Facsimiles № 15. Oxford, 1938.

зованный. Он не великий ученый, но умеет искусно подать все, чего в его эпоху ожидают от врача. И счастье ему улыбается. Он делает славную карьеру. Его книга о меланхолии в 1597–1626 годах выдержит десять изданий, не считая переводов на латынь, на английский и итальянский языки. Он с важностью цитирует Аристотеля, сопоставляет мнение Галена с суждениями арабов, стремится быть понятным читателю-новичку. Рекомендуемые им меры более многочисленны, чем у Константина Африканского, и более изысканны. Этот врач, пользующий аристократов и королей, дает тонкие указания относительно улучшения воздуха: лекарь превращается в парфюмера. Недостаточно, чтобы комната выходила на восток, следует также «устлать покои большим количеством роз, фиалок, лилий». Свои ароматы добавляют цветы апельсина, лимонные корки, стиракс. Для борьбы с сухостью воздуха нужно расставить сосуды с горячей водой. А поскольку воздух несет не только запахи, но и движущиеся образы и световые лучи, нужно обратить особое внимание на краски, которыми будет окружен больной. Меланхоликам, утверждает Дю Лоран, полезно смотреть на «красные, желтые, зеленые, белые цвета». Их также сажают в благоухающую и сияющую веселящую ванну.

Питание тоже должно быть тщательно упорядочено. Выбор блюд у Дю Лорана и у всех ренессансных врачей диктуется заботой о веселье, легкости, влажной свежести. В больного стремятся впрыснуть, ввести эти душевные свойства. Речная рыба, пойманная в прозрачной воде, наделена съедобным светом, который, как следствие, высветит темные гуморы. К ней добавляются свежие яйца, молодое легкое мясо, супы, сваренные с увлажняющими травами (огуречником, воловиком, кровохлебкой, эндивием, цикорием, хмелем и т. д.). «Очищенный ячмень, миндаль и крестовник безмерно помогут посылать в мозг приятные волны». Особая роль в этом отношении отводится фруктам: например, в винограде заложены одновременно и сладость, и свежесть, и свет. Милостивая природа добавляет к ним легкий слабительный эффект, столь необходимый меланхолику. Неудивительно, что в последующие века курс лечения виноградом останется одним из главных средств врачевания депрессии.

Какие бы положительные эмоции ни вызывала такая диета, следует тем не менее ожидать сильного сопротивления со стороны меланхолика, ибо у него отсутствует воля к выздоровлению. Хуже того, он привязан к своей болезни; в силу странного извращения он любит «грубый, темный, сумрачный, вонючий воздух»; ему приятно в нем находиться, он «следует за ним повсюду». Впрочем, меланхолик не ограничивается тем, что ищет этот «сумрачный воздух»; многие авторы убеждены, что изо рта у него выделяются «пары меланхолии». Черная желчь в легучей форме окружает больного. Некоторые даже боятся заражения: если пары очень плотные, здоровый человек рискует, коли станет их вдыхать. Так полагает, в частности, Ванини; в качестве примера он приводит историю об одном осторожном немце, который на Страстной неделе совершал молебны дома – из боязни надыхаться в церкви слишком большим количеством меланхолических паров, испускаемых толпой кающихся верующих⁹³. «Что же в этом удивительного? – добавляет Ванини. – Разве не показывает опыт, что человек, прилегший под деревом, которое покусала бешеная собака, сам заболевает бешенством?» Перед нами не магическое верование и не какое-то таинство: токсичная субстанция, которую распространяет больной, сохраняет всю свою пагубную силу; болезнь передается через дыхание и через выделения.

Чтобы меланхолик не замкнулся в зверином одиночестве, характерном для тяжелых форм болезни, Дю Лоран рекомендует вести с ним беседы, рассказывать занимательные истории, давать ему слушать музыку. Необходимо вынуждать больных к диалогу, не позволять им прекращать жизнь в обществе. Окружающие должны искусно сочетать сочувствие с суровым обращением:

⁹³ Vanini L. Dialogi de admirandis naturae reginae deaeque mortalium arcanis. Paris, 1616.

Меланхоликов никогда нельзя оставлять одних, с ними постоянно должен быть кто-либо им приятный; иногда их следует поощрять, уделять им часть того, что они желают, из боязни вспугнуть этот гумор, по природе своей непокорный и упрямый; иногда же следует их бранить за безумные выдумки, упрекать и стыдить за трусость, ободрять их при каждой возможности, хвалить их поступки...

Какой изящной и благостной предстает эта психотерапия по сравнению с методом Жака Дюбуа из Амьена! Этот врач, не столь книжного толка и явно более опытный, знает, что депрессия сопровождается склонностью к суициду. Если Дю Лоран советует составить больному приятную компанию, то Дюбуа предпочитает приставить к нему дюжих сторожей: у меланхоликов надо отбирать оружие и не позволять им подходить к окнам. А если кажется, что они собрались на кого-то напасть или нанести вред себе, их надо связать и побить⁹⁴. Мягкое и суровое обхождение противостоят друг другу: мы еще долго будем сталкиваться с этим контрастом между насилием и методами, основанными на тонком сочетании осторожно подобранных и разнообразных чувственных впечатлений.

Что касается фармакологического лечения, то здесь ренессансные врачи почти единодушны: к применению рекомендуются медикаменты трех основных типов. Следует сочетать: средства *очищающие*, изгоняющие порченный гумор; средства *альтеративные*, разжижающие, смягчающие и увлажняющие скопления черной желчи, но не оказывающие на них активизирующего действия; и средства *поддерживающие*, чьи укрепляющие свойства возвращают больному силы и веселье. Каждая из трех этих групп лекарств включает бесконечное разнообразие рецептов и методов. К числу очищающих средств относятся слабительные, рвотные, кровопускания, разного рода банки, налобные повязки, пиявки, чихательные препараты... Открывается простор для тысячи новшеств в деталях – впрочем, совершенно незначительных, – тогда как сам принцип лечения остается неизменным.

Дю Лоран перечисляет поразительное количество лекарств против бессонницы у меланхоликов. Чаще всего это вполне невинные лекарственные травы и ароматы. Однако в их компанию проникает и мак. Дю Лорану знаком *laudanum*, который изготавливают «химики», прямые или отдаленные последователи Парацельса. Обращаться с этим опасным веществом следует весьма и весьма осторожно:

Используя все эти внутренние наркотические лекарства, надобно соблюдать большую рассудительность, из опасения, как бы, желая даровать покой несчастному меланхолику, мы не позволили ему уснуть вечным сном.

По этой причине предпочтительными нашими снотворными будут легкие порошки, коими посыпают голову («головные порошки»), ванны и умашения для ног, которые оттянут к конечностям все пагубные испарения. Можно также безбоязненно применять пластыри и мази; накладывать на сердце или на лоб «компрессы» и «повязки»; составлять букеты или «узелки с ароматами».

Можно сделать узелок для нюхания. Возьмите семян белены, коры корня мандрагоры, семени цикуты, каждого по одной драхме, скрупул опиума, немного масла мандрагоры, смешайте все с соком дымянки и молодила и сделайте из них шарик; каковым если дышать, будете спать долго-долго; для благовония добавьте немного амбры и мускуса.

Как мы видим, в лекарствах для меланхолика недостатка нет. Если он надумает излечиться, ему придется расставить вокруг себя тысячу горшочков и бутылей; благодаря Дю

---

⁹⁴ Sylvius J. (*Jacques Dubois d'Amiens*). Opera medica. Genève, 1630. P. 413.

Лорану и Бёртону он, возможно, сам научится готовить себе сиропы, микстуры, пилюли, таблетки, отвары, мази, марципаны, декокты, эликсиры, пастилки, кашицы, опиаты... Изобилие лекарств – всего лишь ответ на многообразие симптомов меланхолии. Столь многоликая болезнь требует многосоставных лекарств. Франческо Джероза в своей «Магии» (вышедшей в 1608 году в Бергамо) предлагает средство от меланхолии, включающее не менее девяноста пяти ингредиентов! Число вредных последствий меланхолии – легион; следует и лекарств выставить против них целую фалангу.

Сами названия ряда подобных медикаментов говорят о том, что они призваны производить веселящий эффект: *confectio laetificans*, порошок радости; другие, вроде *электуария из драгоценных камней*, питьевого золота или безоара, завораживают воображение – в них мерцает благотворная сила, которой наделялись редкие вещества. Если пролистать обширный их перечень, приведенный у Бёртона, станет ясно, что терапевтический арсенал меланхолии включает ресурсы, заимствованные во всех частях света.

Подобное медикаментозное богатство призвано ободрить и возвеселить меланхолика, создать у него ощущение, что он не одинок, защищен, вооружен. Он может увидеть в нем образ столь же изобильной, сколь и доброжелательной Природы. Врачи эпохи Возрождения словно бы всячески, в том числе и через это множество лекарств, стараются явить меланхолику зрелище счастливого разнообразия и неисчерпаемой продуктивности. Разве не оказывает это благотворного влияния на монотонное существование меланхолика, замкнувшегося в убеждении о своей скудости и бесплодии? Полифармация и полипрагмазия ренессансных терапевтов служили, пусть и неосознанно, своего рода психическим противоядием: унылой обездоленности меланхолика врачи противопоставляли сокровища огромного универсума. Мир не так узок и не так пуст, как ты думаешь!

Пары

Дю Лоран – отнюдь не одиночка. Он систематизирует книжное знание, которому с тем же успехом учат и другие и которое, в свой черед, перейдет к следующим поколениям. Те же указания по лечению мы найдем у Жана Фернеля⁹⁵, у Тимоти Брайта⁹⁶, у Феликса Платтера⁹⁷. Знаменитые компиляторы XVII века не привнесут в это знание ничего нового. Бесчисленные авторы докторских диссертаций, посвященных меланхолии, не осмелятся покуситься на авторитет учителей. Бургаве будет отстаивать гуморальную теорию меланхолии⁹⁸. Неудивительно, что в лечении постоянно прибегают к одним и тем же средствам: ведь предполагаемая причина болезни остается прежней.

Послушаем Ролена, врача-консультанта короля Людовика XV, посвятившего целый трактат *парам*⁹⁹:

Меланхолия всегда происходит от испарения водянистой части крови и наиболее дробных частей сей жидкости; кровь, лишенная переносчика, способна лишь к весьма замедленной циркуляции... Когда вещества, вызывающие меланхолию, откладываются во внутренностях брюшной полости, они обыкновенно поднимаются к мозгу, делая дух печальным и беспокойным... Материя засоров, вызывающих эти симптомы,

⁹⁵ Fernel J. *Universa medicina*. Paris, 1567.

⁹⁶ Bright T. *A Treatise of Melancholie*. London, 1586.

⁹⁷ Platter F. *Praxeos seu de cognoscendis... affectibus tractatus*. 2 vol. Bâle, 1602–1603; Platter F. *Observationes in hominis affectibus plerisque*. Bâle, 1614.

⁹⁸ Boerhaave H. *Praxis medica*. 5 parties en 3 vol. Padoue, 1728.

⁹⁹ Книга доктора Помма (*Dr Pomme. Traité des affections vaporeuses des deux sexes*. Lyon, 1763) много раз переиздавалась вплоть до начала XIX века.

обычно густая, вязкая и рассасывается с трудом; она быстро приобретает или уже приобрела свойства, какие сохранит на протяжении всей болезни: она либо кислая, либо прогорклая; различают ее по ощущениям, какие делает она в желудке или во рту, а также по характеру отрыжки; отрыжка весьма обильна и обыкновенно имеет или тот, или другой вкус... Меланхолия вызывается различными причинами и потому требует различного лечения; когда отрыжка кислая, дают лекарства, расщепляющие и рассасывающие едкие вещества; когда она гнилостная, дают кислоты... Для больного с кислой отрыжкой нет ничего лучше мыла с полынной солью, корнем валерианы, горечавки и других растений того же свойства; с успехом применяют также смолы, растворяющие без раздражения, такие как вонючая камедь, опопанакс, гальбан, сагапен, ладан¹⁰⁰.

Какие ценные и тонкие уточнения позволяет дать отрыжка! Классическая теория меланхолии обогащается «тестом», но не претерпевает никаких изменений. Оригинальность терапии Ролена, однако, в том, что он отдает предпочтение лекарствам «разжижающим» и меняющим «состав соков», с более щадящим и надежным действием, чем рвотные и слабительные. Последние могут даже оказаться вредными; они «еще сильнее расплюют и внедряют в мелкие сосуды подреберной области те вязкие и стойкие вещества, что производят болезнь; к тому же, силою воздействуя на эти мелкие и чрезвычайно нежные сосуды, они грозят их порвать и вызвать неизлечимые закупорки». Назначая больным слабительное, бойтесь меланхолического инфаркта и кровоизлияния! Клиентура Ролена, состоящая в основном из женщин, должна была быть благодарна ему за такую предосторожность. В остальном же древняя увлажняющая терапия полностью остается в силе, ибо цель лечения состоит не в опорожнении желудка, а в размягчении вязкого, концентрированного гумора, которому нужно вернуть недостающую текучесть, в разжижении тяжелого ила меланхолии и мягкой очистке засоренных сосудов. Осторожно поставленный клистир способен творить чудеса.

Пережитки

Живучесть теории о черной желчи не должна нас удивлять. Она вызвана не только косностью школы, не только тупой покорностью и отсутствием критического духа. В черной желчи образно сгущается наш опыт непосредственного восприятия меланхолии и меланхолика. До тех пор, пока наука не вооружилась достаточно точными анатомическими и химическими методами, чтобы доказать умозрительный характер черной желчи, этот мрачный гумор оставался наиболее приемлемой и синтетической репрезентацией жизни меланхолика, пребывающей в плену телесных забот, отягощенной печалью, бедной на инициативу и движение. Нельзя отрицать, что ее символическое и экспрессивное значение сохраняется и сегодня. Мы до сих пор не вполне избавились от подобного видения; возможно, оно соответствует некоей фундаментальной интуитивной догадке, чью обоснованность мог бы показать чуть более глубокий феноменологический анализ. Пусть мы не прибегаем эксплицитно к образу густого, тяжелого, черного, испускающего темные пары гумора с замедленной циркуляцией, но мы говорим, что мимика у меланхолика *смутная*, что его моторика как будто *вязкая*, что он пребывает в плену *черных* идей. Мы сознаем, что это метафоры; однако нам трудно подобрать прилагательные и определения, непохожие на те, что использовались в гуморальной теории в буквальном смысле, для характеристики физических свойств черной желчи. Черная желчь – метафора, не ведающая себя самое и притязующая на статус эмпирического факта. Ибо, пока не доказано обрат-

¹⁰⁰ Raulin J. Traité des affections vaporeuses du sexe. 2e éd. Paris, 1759. P. 384–385.

ное, воображение хочет верить в *материальность* меланхолии и только после вынужденного отказа от буквального смысла допускает наличие смысла фигурального.

Чтобы понять, почему классическая терапия меланхолии так долго оставалась в силе, достаточно вспомнить о ее аллегорическом значении. Она в большой мере отвечает запросам воображения. Применение слабительных – это конкретная реализация мечты об *освобождении*; «укрепляющие» средства *восстанавливают* тело; разжижающие возвращают *гомогенность* внутренним сокам; мази и массажи *смягчают* члены и придают им гибкость: любая из этих операций имеет психический эквивалент и, возможно, предполагает его. Современные психотерапевты считают, что реализуют применительно к «я» эффекты, аналогичные тем, каких терапевты прошлого стремились добиться применительно к телу. Полагая, что воздействуют на материальную причину болезни, они, сами того не ведая, практиковали лечение психологическое, постоянно вовлекая в него эмоции больного, хотя речь шла только о его теле. Фактически применение слабительных, разжижающих и укрепляющих средств заставляло пациента «соматизировать» свое представление о болезни, телесно подражать процессу «катарсиса» и психического восстановления. Скорее всего, метод оказывался довольно успешным, если передавался из поколения в поколение.

Все это позволяет объяснить, почему теория черной желчи крайне медленно отступала с занимаемых ею позиций и почему методы терапии, основанные только на этой теории, переживали ее, привлекая на помощь самые разные доктрины или же представляясь чисто эмпирическими.

Смелостью было уже поставить под сомнение механизм соотнесения меланхолического бреда с нарушением у больных функций желудка и селезенки, как это делает автор статьи «Меланхолия» в «Энциклопедии». Суждения древних авторов кажутся ему неубедительными. Но несмотря на то, что эти явления с трудом поддаются объяснению, в его глазах они остаются проверенными фактами. Он убежден, что вещества, извергаемые подобными больными, зачастую «густы, как смола», и что «их выведение нередко оказывалось спасительным». Он без малейших колебаний выдает за достоверную историю о «человеке, каковой излечился от меланхолии через синеватый пот, в изобилии вышедший из правого подреберья», и столь же не критически относится к случаю с меланхоликом, «каковому принесло изрядное облегчение обильное извержение черной мочи». Поскольку факты именно таковы, очистка желудка по-прежнему остается лучшим способом лечения. Действие чемерицы представляется небесспорным и опасным, зато ей на смену приходят химические слабительные: «солевые аперитивы, селитра, глауберова соль, сегнетова соль, купоросный винный камень»; в конце XVIII века к ним добавится каломель.

Сиденгам

Сиденгам связывает истерию и ипохондрию с расстройством и порчей духов (имеются в виду животные духи), тем самым делая главный упор на слабость крови, которая становится неспособна сдерживать и регулировать эманации, исходящие от «выродившихся соков»¹⁰¹. Иными словами, терапевт уделяет основное внимание крови: важнее всего укрепить духи, укрепляя кровь, где они зарождаются. Опорожнению отводится в лечении ипохондрии второстепенная роль: если больной очень ослаблен, лучше вообще отказаться от кровопускания и очищения желудка. Главное – вернуть больному энергию, которой ему не хватает; поэтому Сиденгам, не слишком отклоняясь от традиции, придает наибольшее значение укрепляющему лечению, особенно железистым препаратам. Чем бороться только с черной желчью, лучше

---

¹⁰¹ Sydenham Th. Dissertatio epistolaris... de affectione hysterica. London, 1682. Французский перевод см.: Jault A.-F. Médecine pratique de Sydenham. Paris, 1774.

попытаться придать крепость антагонистам черного юмора, поспешить на помощь той части организма, что осталась здоровой. Если кровь при этом заболевании ослаблена и немощна, нужно ее обогатить и усилить; чудесную помощь в этом окажет железо, особенно если брать его таким, каким оно выходит из рук природы: например, пить воду из железосодержащих источников. К нему добавляется хина, замечательное лекарство, укрепляющее кровь и духи. Той же цели может служить молочная диета:

Поскольку молоко есть пища весьма простая, оно переваривается отлично, гораздо легче, чем многие другие продукты; отчего непременно вырабатывается здоровая кровь и духи той же природы¹⁰².

Молоко – идеальная субстанция; оно смягчит и омолодит меланхолика, что ему крайне необходимо. Молоко дарует детскую кровь: «Хотя молоко составляет сырую и легкую пищу, оно неустанно производит нежную и благоуханную кровь». И далее грезы комментатора текут по вполне естественному руслу (тем же фантазмом увлекался уже Константин Африканский):

Женское молоко – самое нежное, самое легкое и самое согласное с нашей природой. Древние Авторы описывают произведенные им чудесные исцеления, однако трудность состоит в том, чтобы иметь его в достаточном количестве¹⁰³.

Ну разумеется! Как получить столько женского молока, чтобы взрослый человек мог питаться исключительно им? Ибо подобная терапия может принести пользу, только если убрать любую другую пищу. Меланхолику прописана полная регрессия: чтобы полностью восстановиться, он должен вновь превратиться в младенца-грудничка. Еще одно средство «оживить кровь и духи», более подходящее для взрослого, – это почти ежедневно ездить верхом¹⁰⁴:

Упражнение сие, благодаря повторяющимся встряскам, какие производит оно в легких и особенно в сосудах низа живота, очищает кровь от пребывающих в них экскрементальных гуморов, дает толчок фибрам, восстанавливает функции органов, оживляет природный жар, выводит, через пот или иначе, выродившиеся соки либо восстанавливает их в первоначальном виде, разгоняет засоры, открывает все проходы и, наконец, вызывая постоянное движение крови, так сказать, обновляет ее и придает ей невероятную силу¹⁰⁵.

В качестве примера Сиденгам приводит случай с одним прелатом из Англии, который, «истощив свои силы чрезмерным усердием в ученых занятиях, впал в ипохондрическое расстройство, столь продолжительное, что оно испортило все его телесные дрожжи и полностью разрушило пищеварение». Все средства терапии оказались тщетными и опасными, но верховые прогулки оказали на близкого к смерти пациента поистине чудесное действие.

Фридрих Гофман

На первый взгляд в трудах Фридриха Гофмана – «систематического» врача, противника химиатрии, отнюдь не склонного принимать на веру положения старинной гуморальной теории, – идеи о черной желчи отсутствуют. Однако он лишь переносит те качества, какие древ-

---

¹⁰² Sydenham Th. Dissertatio epistolaris... P. 424.

¹⁰³ Ibid. P. 425.

¹⁰⁴ Пинель описывает случай с Альфьери, которому удавалось побороть свою «меланхолию» только тем, что он целыми днями правил своей упряжкой лошадей: *Pinel Ph. Article «Mélancolie» // Encyclopédie méthodique, série Médecine. T. IX. 2e partie. Paris, 1816.*

¹⁰⁵ Ibid.

ние приписывали черной желчи (замедленность, густоту, вялость), на кровь. Меланхолия для Гофмана – это локальное поражение мозга, обусловленное *status strictus*, спазмом твердой мозговой оболочки:

Когда мозговая оболочка сжимается так, что пазухи сужаются и крови труднее проходить через них, в душе рождаются разного рода ощущения печали или беспричинной боязни, доходящие иногда до отчаяния и сопровождающиеся расстройством умственных способностей¹⁰⁶.

Ничего общего с черными парами, которые мы встречали в теории Галена: меланхолия объясняется простой и строгой механикой, а свойственная ей замедленность – затрудненной циркуляцией крови в сосудах черепа. Тем не менее причиной болезни вновь объявляются вязкость и густота органического «сока», который следует увлажнять или, при необходимости, удалять путем кровопускания. Тем самым терапия, пусть и направленная на кровь, а не на черную желчь, в основном не меняется. Новая теория Гофмана уже в силу того, что она опирается на соматическое толкование, на деле во многом повторяет древнюю: объяснением болезни по-прежнему служат воображаемые физические нарушения, в которых мы сегодня видим метафорический эквивалент меланхолического состояния души.

Анн-Шарль Лорри

В XVIII веке возрастает интерес к феномену судорог и конвульсий. Но как их классифицировать? Вполне удобно, по примеру Сиденгама, считать женскую истерию и мужскую ипохондрию единой болезнью. Тем не менее нельзя ограничиваться лишь «животными духами» Декартовой физиологии. Теперь, когда анатомам лучше известна структура нервной системы, большую часть симптомов будут относить на счет нервов. Так, француз Анн-Шарль Лорри в своем труде, вышедшем в 1765 году, проводит принципиальное различие между *гуморальной меланхолией*, вызванной черной желчью и характеризующейся преобладанием пищеварительных расстройств, и *нервной*, «нематериальной» *меланхолией*, которая зависит не от гуморов, а от твердых тканей и отличается преобладанием конвульсивных явлений¹⁰⁷. Как возникает нервная меланхолия? Механизм этой болезни лежит на уровне фибр, образующих наш организм; при излишне сильном спазме они сокращаются, но за спазмом непременно следует потеря тонуса, слабость, вялость, томление. Так объясняется чередование пароксизмов и упадка сил. Какая же из этого следует терапия? Во-первых, надо укрепить организм, придать фибрам хороший тонус, который не позволит им легко поддаваться спазмам и расслабляться до излишней вялости. При повышенной возбудимости нужно давать лекарства успокаивающие, снимающие напряжение, вроде летучего нашатырного спирта. Иногда, как ни парадоксально, расслабления можно добиться путем еще более сильного спазма: *spasmus spasmo solvitur*¹⁰⁸. Напротив, с вялостью следует бороться с помощью укрепляющих и аналептиков. Лорри с его безупречной классической образованностью подвергает пересмотру всю предшествующую традицию: прописывайте физические упражнения, игры, ванны; но главное, не прибегайте ни к кровопусканию, ни к очищению желудка, поскольку там нет ничего, что следует выводить из организма. Назначайте легкую и укрепляющую диету: молоко, фрукты и особенно виноград. (Как мы видим, Лорри предписывает для укрепления нервов те же средства, какие Сиденгам про-

---

¹⁰⁶ Hoffmann F. La Médecine raisonnée / Trad. française par J.-J. Bruhier. 9 vol. Paris, 1739–1743. Vol. VII. P. 116.

¹⁰⁷ Lorry A.-Ch. De melancholia et morbis melancholicis. 2 vol. Paris, 1765. Медицинская теория Лорри сложилась явно под влиянием идей Альбрехта фон Галлера о раздражительности. В 1758 году итальянец Фракассини в своем сочинении, опубликованном в Лейпциге (Fracassini A. Opuscula pathologica, alterum de febris, alterum de malo hypochondriaco. Leipzig, 1758), утверждал, что ипохондрия есть нарушение, мешающее гармоническому колебанию нервов и мембран. Напомним, что Лорри стал одним из основателей французской дерматологии.

¹⁰⁸ Спазм излечивается спазмом (лат.). – Прим. ред.

писывал для укрепления крови!) В момент наивысшего *напряжения* нервных фибр не следует давать хину, хоть она и считается «тонизирующим антиспастическим» средством: напряжение только усилится. Но если преобладает атония, назначайте ее смело. Возбуждайте, оживляйте ум беседами, трудами, путешествиями. Почему нервная меланхолия редко поражает врачей? Потому, отвечает Лорри, что они заботятся о чужих несчастьях.

Идеалом обретенного здоровья предстает «гомотония»: гармонизация фибриллярного тонуса во всем организме; счастье, эйфория – это среднее напряжение, способное гибко приспособливаться к требованиям жизни. Изгонять паразитарное вещество нет никакой необходимости. При нервной меланхолии лечение будет состоять в щадящей стимуляции, одновременном оживлении и сдерживании внутренних энергий, умелой настройке, которая придаст гармоничное звучание струнам тонкого и хрупкого инструмента, каким является наш организм.

Понятно, что Лорри остерегается опия: он считает это лекарство депрессантом, который своим действием рискует усилить замедленность и атонию, вызванные болезнью. Сон под действием опиума всегда приводит к атонии или к компенсаторному спазму. А давать больному еще опия для подавления этих явлений значит побеждать зло еще большим злом. Лорри всячески предостерегает даже от использования «антиспастических укрепляющих» средств, таких как корень лесной валерианы! (Сиденгам, восторженный поклонник достоинств «маковой слезы», берегает свою опииную настойку для колик и истерической рвоты; он сильно сомневается, что ее можно использовать как седативное средство при тревожности: не рискуем ли мы чересчур сильно успокоить больного?)

Книга Лорри обозначает четкий водораздел между двумя этапами развития психиатрической мысли. Это момент какой-то неопределенности, когда наряду с прежней теорией возникает новое понимание болезни, стремящееся не заменить собой древнее знание, но дополнить его. На протяжении довольно короткого периода новое и устаревшее учение не кажутся несовместимыми: они вполне изящно согласуются. Каждому из них отведена своя область, отделенная нечеткой границей. Нервная меланхолия и меланхолия гуморальная образуют симметричную пару. Но их равновесие неустойчиво: гуморальная меланхолия уже уступила половину своей территории и вскоре утратит ее полностью.

Современная эпоха

Новые концепты

Сенсуалистская философия XVIII века, отводившая восприятию и ощущению решающую роль в развитии наших идей и страстей, одновременно придавала повышенное значение нервам и нервной системе. Основные функции мозга и нервов были известны с очень давних времен, однако только эпоха Просвещения безоговорочно поставила их во главу угла. Нервная система – это обширная чувствительная сеть, посредством которой человек воспринимает себя, познает мир и реагирует на внешние впечатления. Именно нервы и мозг управляют умственным и физическим поведением индивида. А душевная болезнь возникает именно из-за нарушения нервных процессов. Раздражительность (определяющую роль которой в большинстве физиологических явлений обстоятельно описал Альбрехт фон Галлер) служит объяснением душевных расстройств, не нуждающимся в опосредовании черной желчью или порченными соками. Согласно старой теории, симптомы меланхолии вызваны атакой на мозг (или на «желудочки») со стороны гумора, зародившегося в другом месте: в болезни выражается конфликт между церебральным органом и чуждой ему субстанцией. Так, автор статьи «Меланхолия» в «Энциклопедии» пишет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.